

№10
Октябрь 2007

Т **УССКИЙ КЛУБ**

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**ОКТЯБРЬ
УЖ НАСТУПИЛ...**

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Уznaдзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№10⁽²⁵⁾
Октябрь 2007

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	«РУССКИЙ МИР» ОТКРЫТ МИРУ	4
ЮБИЛЕЙ	ОСТАТЬСЯ НЕ У ДЕЛ – НЕ ЕГО УДЕЛ	6
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	КОМНАТА НА ДНЕ ДУШИ	11
ЛИТЕРАТОРИЯ	ОЛЬГА ИВИНСКАЯ	16
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	НИ ОДНО ЗВАНИЕ НЕ ПРЕВОСХОДИТ ИМЕНИ	17
НОСТАЛЬГИЯ	«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ - ЭТО ТЕАТР»	22
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	ГРУЗИНЫ НА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ	24
О, СПОРТ!	ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ	26
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СИЛЬНАЯ С ДЕТСТВА	30
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ПОЮЩИЙ О ЛЮБВИ	32
ПАМЯТЬ	НАШ ВЕЛИКАН РОБЕРТС КУПЦИС	34
ЛЕНТА ПАМЯТИ	СПЛАВ ТВОРЧЕСТВА С ГРУЗИНСКИМ ТЕМПЕРАМЕНТОМ	38
ВЕРНИСАЖ	НУЖНО ПОМНИТЬ, ЧТО ТЫ ЧЕЛОВЕК	41
ДАТА	ОН ВЕРИЛ: САДУ ЦВЕСТЬ!	44
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ПРОДУКТ ДВУХ КУЛЬТУР	49
РУССКИЙ ДУХ	СЛЕД БЕЛОГО КЛЮЧА	52

На обложке - осень в Батумском ботаническом саду

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

«РУССКИЙ МИР» ОТКРЫТ МИРУ

Вячеслав Никонов

Имидж для государства, как и для человека, необходимый атрибут жизни. Любая страна, чтобы укрепить свои позиции в мировом пространстве, стремится показать себя в наиболее привлекательном свете и привлечь внимание и симпатии других народов. Страны Запада в этом весьма преуспели. Ими накоплен богатый опыт по продвижению своего языка, культуры, науки, образования, они успешно демонстрируют всему миру свои достижения в этих сферах, тем самым пропагандируя свой образ жизни, свое мировосприятие.

В последнее время активизировались в этом направлении и страны Востока, Китай, Япония, Индия, Турция. В советское время и Россия умело использовала свою культуру и образование для пропаганды своих идеалов. Так, в Советском Союзе было подготовлено для зарубежных стран около 600 тысяч выпускников. Среди них сегодня около двух десятков президентов стран – Анголы, Мали, Вьетнама, Монголии и т.д. Но после распада СССР было уже не до этого,

и статус русского языка за рубежом поддерживали в основном не государственные структуры, а диаспора, люди – потомки давних эмигрантов и новая волна эмиграции – выходцы из СНГ, среди которых много замечательных деятелей культуры и литературы. Российская диаспора хотя и существует за пределами России, но связана с ней культурными, духовными и историческими связями.

О необходимости более широкой популяризации своей страны за рубежом говорили в России постоянно в последние годы, но реальный сдвиг произошел в этом году, объявленным Годом русского языка. В конце июня президент России Владимир Путин подписал указ о создании фонда «Русский мир». Это некоммерческая организация, среди ее задач – популяризация русского языка, «распространение и развитие богатейшего культурного наследия России», важную часть которого составляют гуманитарные науки.

Фонд разместится в Москве. Его учредителем выступают одновременно Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки. Финансирование фонда предполагается как из федерального бюджета, так и за счет добровольных взносов, пожертвований и других источников. Исполнительным директором правления фонда «Русский мир» назначен известный российский политолог Вячеслав Никонов. Он также президент фонда «Политика» и возглавляет Комиссию Общественной палаты по международному сотрудничеству и общественной дипломатии.

Члены правления фонда также назначаются главой государства, в состав правления вошли генеральный директор фонда «Политика» Сергей Моргунов, директор департамента Минобрнауки Исаак Калина, заместитель директора департамента генерального секретариата МИД России Павел Прокофьев и начальник департамента референтуры президента России Анатолий Шарков.

Надзор за деятельностью фонда, принятием решений и использованием средств будет осуществлять попечительский совет, члены которого назначаются главой государства. Председателем попечительского совета «Русского мира» стала ректор Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Вербицкая. В состав вошли 14 человек, в том числе глава МИД РФ Сергей Лавров, помощник президента России Джахан Поллыева, глава Минобрнауки Андрей Фурсенко, гендиректор ВГТРК Олег Добродеев и президент Российского фонда культуры режиссер Никита Михалков.

Официальная презентация фонда планируется в начале ноября. Но работа уже идет полным ходом – фонд нужно сформировать, выработать план работы, определить основные направления деятельности. Всем этим Вячеслав Никонов был загружен с момента своего назначения. Когда фонд еще не был зарегистрирован и не решен вопрос с помещением, когда завершалась работа над уставом и формированием штата сотрудников, в фонде проводилась серия консультаций, встреч со специалистами, изучающими разные регионы мира.

Мне довелось присутствовать на одной из таких встреч, разумеется, не в качестве эксперта, так как тема касалась стран Азии, Африки, Латинской Америки. На нее были приглашены ученые-специалисты и эксперты, конкретно изучающие отдельные страны и

имеющие полную информацию о состоянии русского языка в них, о русской диаспоре, о восприятии России коренным населением, о наличии или отсутствии российских культурных центров, их работе и возможностях. Как оказалось, гуманитарные направления неизбежно пересекаются с политикой. Ценной информацией делилась и Элеонора Митрофанова, руководитель Росзарубежцентра – Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИДе России, а с недавних пор еще и член попечительского совета «Русского мира». По роду своей деятельности она бывала во многих странах мира и непосредственно знает о состоянии дел.

За круглым столом шли обсуждения, высказывались конкретные предложения, комментарии, сыпались вопросы – глава фонда Вячеслав Никонов и его правая рука Сергей Моргунов вели дискуссию так, что каждый из приглашенных был услышан, и переплетение разных мнений только придавало широту диалогу. В частности, был проявлен интерес и к Грузии, хотя, казалось бы, шло это вне рамок темы Африки или Латинской Америки. Более того, в ответ на мое сообщение о сегодняшней Грузии, состоянии русского языка и деятельности Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» прозвучало много вопросов, а главное, оптимистичное заявление, что Фонд «Русский мир» будет безусловно открыт к широкому взаимовыгодному сотрудничеству и взаимодействию. Мне оставалось только сожалеть, что я не смогла присутствовать на предыдущих встречах, касающихся стран СНГ, где была возможность получить непосредственную информацию о положении наших соседей в ближнем зарубежье. Но участие в этой встрече дало главное – из калейдоскопа высказываний складывалось нечто цельное – перспективы работы фонда, круг интересов, целей и задач.

Подробное вступительное слово **Вячеслава Никонова** и его дальнейшие комментарии дают полное представление о сфере деятельности фонда и направлениях его работы:

«Мы ставим перед собой задачу поддержать русский язык, русскую культуру, организации, представляющие русский мир. Вопрос этот жизненно важен для огромного числа русскоязычных во всем мире. Фонд займется продвижением русского языка, распространением его изучения в различных странах и поддержкой того, что можно называть русским миром. «Русский мир» - это люди, которых, независимо от того, где они проживают, объединяет прежде всего язык, а также православная вера. Для многих наших соотечественников связь с Россией очень важна. А для нас представляется важным сплочение зарубежных диаспор, зачастую слишком разрозненных. Мы будем координировать свою деятельность и сотрудничать со всеми, кто в этой области присутствует, будем поддерживать разного рода русскоязычные организации и культурные мероприятия в разных странах. Это поможет сближению наших диаспор за рубежом. Одной из главных задач фонда станет популяризация русского языка как средства сближения наших соотечественников, проживающих за пределами исторической родины.

Речь идет о создании сильной структуры, которая будет выступать в роли центра сетевой организации, в чьей основе, в первую очередь, лежала бы выдача

грантов. Например, Росзарубежцентр, с которым мы, естественно, будем взаимодействовать, как и другие структуры, не являются грантодателями, финансово они не могут поддерживать организации, которые существуют за границей. Мы не пойдем путем создания зарубежных филиалов. Будем работать напрямую с уже существующими организациями русского зарубежья, с теми, кто входит в структуру Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), с другими неправительственными организациями, действующими через образовательные центры, университеты, школьную сеть, где преподается русский язык. То есть, мы будем поддерживать проекты, направленные на укрепление позиций русского языка и культуры.

Направлений работы много: организация мероприятий, конгрессов, посвященных русскому языку и культуре, состоянию русского мира, интернет-проекты и многое другое. Национальный фонд поддержки русского языка фактически также будет входить в «Русский мир». Ведь проблемы, связанные с развитием русского языка, есть и у нас в стране: это развитие региональных центров русистики, издание учебников русского языка, расширение российского медиапространства, издательские сети и так далее. Тем более, что внутрироссийскими вопросами Росзарубежцентр не занимается, а для нас это важное направление.

В активной поддержке нуждается система книгоиздания, это прежде всего создание учебников и распространение их в русскоязычном пространстве. Например, в странах бывшего Советского Союза даже в славянских университетах, где преподавание ведется на русском языке, по многим дисциплинам нет учебников на русском языке. За последние 15 лет там практически не было поступлений учебной литературы на русском языке. Мы постараемся изменить ситуацию.

Еще планируется запустить портал «Русского мира». Там будут представлены все его организации, все активисты, но главное, через этот портал будет возможен выход на русскоязычные каналы, на радиоканалы, на оцифрованные русские библиотеки, архивные материалы, русскую музыку, на интерактивные программы изучения русского языка, возможности получения дистанционного образования. Мы должны сделать все, чтобы сохранить и расширить русскоязычное пространство. При этом мы не ставим никаких идеологических рамок в своей работе. Русский мир неоднородный, он полифоничен и вмещает в себя людей самых разных взглядов. Поэтому для фонда одинаково важны все наши соотечественники, где бы они ни жили, вне зависимости от их идеологических установок.

Но понятие русский мир, может быть, даже шире, чем просто сфера применения языка. Это вопрос самоидентификации. К русскому миру могут относиться люди, в этнокультурном смысле не имеющие ничего общего с Россией. Есть люди, которые любят Россию. Скажем, у них русская жена или они учились в России, или они просто интересуются страной, языком, знают нашу культуру. Они тоже могут ощущать себя частью русского мира. И мы это можем только приветствовать. Наша задача объединить русский мир, выявить его и консолидировать».

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Гига Лордкипанидзе Фото Ю.Мечитова

Остаться не у дел – не его удел

В театральном мире его знают все. Могучая фигура, повелительный голос, неспешный шаг, а мощная трость, на которую он опирается, смотрится как царский жезл. Если спросить, кто это, все ответят на задумываваясь – Гига.

Режиссер театра и кино, педагог и общественный деятель, в прошлом руководитель многих грузинских театров, а ныне председатель Союза театральных деятелей Грузии. Что еще? Великолепный оратор, знаток человеческих душ и несравненный тамада, в обиходе которого главный прием – юмор. В общем, живая история грузинского театра XX века. 19 октября Григорию Давидовичу Лордкипанидзе исполняется 80 лет.

- Человек театра не может быть свободным художником. Нет сцены – нет художника. Батоно Гига, судя по всему, возможность оказаться не у дел вам не грозит.

- Ну, почему же? Новая демократия в Грузии четко определила роль старой интеллигенции: Мы - «чарецхилеби», как сказал президент, - «смытые», как ненужные отходы. Но в последнее время, к счастью, я активно работаю – в театре Руставели поставил «Красные сапоги Цатэ» Отара Чиладзе, это единственная его пьеса, замечательная, ее никогда не играли, считалось, что не театральная. В театре Ахметели поставил «Человек из Ламанчи», в Оперном недавно восстановил «Кето и Котэ». Мне было очень приятно, когда Васо Кикнадзе отметил, что в 80 лет еще ни один грузинский режиссер не ставил спектаклей.

- Да, к юбилею вы пришли во всеоружии. Как будете его отмечать? Государственные структуры в этом принимают участие?

- Абсолютно никакого. Отмечать буду на сцене. План такой: три моих спектакля три вечера будут идти в театрах. После каждого спектакля меня вызовут на сцену и поздравят коллеги, друзья. Интеллигентно и без особого шума. А я в свои 80 буду себя чувствовать как действующий режиссер, а не как живой музей. Это сейчас не многим удается.

- Знаете, музеем вы все равно остаетесь – а как иначе человеку с такой биографией? Кроме того, вы всегда были и остаетесь лидером. Это с детства?

- Все зависит от характера. Да и учиться было у кого. Моим первым педагогом в Тбилисском театральном институте был Георгий Александрович Товстоногов, великий с моей точки зрения режиссер, педагог и личность. Вместе со мной учились такие выдающиеся люди, как Миша Туманишвили, Како Двалишвили, Асико Гамсахурдия.

- И вы могли все это оставить и уехать учиться в Москву?

- Для меня русский театр всегда был легендой, хотелось ближе познакомиться с русской театральной культурой, я обожал МХАТ, его артистов. Товстоногов немножко обиделся, но сказал, что, наверное, это правильное решение, надо пройти эту школу – ведь он сам закончил ГИТИС. И я поступил туда. Но это целая история. Мне, как закончившему первый курс тбилисского института, полагалось без экзаменов перевестись на второй курс – у нашего театрального института был большой авторитет в Москве. Но я решил, что надо начинать с первого курса. Это был 1945 год, когда на каждое место по конкурсу было человек 150-170, молодежь хлынула в вузы после войны, армии.

- Вы прошли этот дикий конкурс?

- Но сколько я добивался, чтобы меня допустили к приемным экзаменам! Вплоть до того, что я пошел к начальнику Управления культуры Союза ССР, рассказал ему ситуацию, тот развел руками – ты что, тебя берут на второй курс, а ты идешь на конкурсные экзамены? Про него говорили, что он очень черствый человек, а он подошел ко мне и расцеловал, говорит, - таких я не встречал. И меня допустили. Я сдал, по моему, на отлично.

- Сколько тогда вам было лет?

- Еще не исполнилось 17 лет. В ГИТИСе мне с самого начала повезло с педагогами. Руководителем

курса был Алексей Дмитриевич Попов, удивительная личность, а мастерство актера нам преподавала Мария Иосифовна Кнебель, потрясающий педагог, лучший знаток системы Станиславского.

- *Даже во время моей учебы на ее курсовые спектакли сбегались студенты со всех факультетов.*

- Мастерство актера у нас было основным предметом. Попов считал, что человек, который не пройдет актерскую школу, настоящим режиссером не может стать. Мы много занимались этюдами, играли отрывки, спектакли. Попов фантастическая личность, но методологию, школу я получил от Кнебель.

- *Какой тогда была Москва и студенческая жизнь?*

- Москва 45-го года еще была таким маленьким, уютным городом: Арбат, Никитский бульвар, Дом литераторов, Дом композиторов, ВТО – все рядом, студенческая братия постоянно бегала туда. У меня был обширный круг друзей, среди них Олег Ефремов, Михаил Ульянов. Особая близость была с моим однокурсником Толей Эфросом. С самого начала было ясно, что на наших глазах вырастает крупная, неординарная личность. Пять лет в Москве – время сплошных открытий: чеховские спектакли во МХАТе, Малый театр с гениальными артистами, Камерный театр Таирова – Алиса Коонен в роли мадам Бовари – ошеломляющее впечатление. Мне посчастливилось жить, работать, учиться в окружении талантливых людей.

- *Кстати, а где вы жили?*

- В грузинском общежитии. Было в те времена такое, рядом с Красной площадью на улице Разина. Условия ужасные, там жили грузинские студенты из всех вузов. Нас поселили в одной комнате: Сулхан Цинцадзе – выдающийся композитор, два выдающихся

строгая, она всегда была начальником на всех этапах моей жизни.

- *В институте этюды, репетиции – больная нога не мешала?*

- Никогда. Я даже в футбол играл. Вообще был очень подвижным и не обращал внимания на свою ногу. Сравнительно недавно грузинский парламентарий, возглавлявший ассоциацию инвалидов, обратился к Джансугу Чарквиани: «Помогите нам, мы хотим избрать президентом ассоциации Гигу Лордкипанидзе» - «А почему Гигу?» - «Ну, он же инвалид» - «Кто инвалид, Гига?!» Практически я только сейчас стал чувствовать тяжесть от этого положения. Я и представить себе не мог, что доживу до таких лет. А тогда нам и сорокалетние казались стариками. Мы жили такой бурной жизнью. Кроме ГИТИСа, у нас было и другое увлечение. Тогда в моду вошли ночные студии, и мы все бегали в студию, кстати, там познакомился и с Юрой Никулиным, он тоже был фанат театра. Нашим руководителем был Константин Воинов, артист театра Ермоловой и прекрасный режиссер. Мы ночи напролет репетировали, спали 2-3 часа, потому что утром надо было бежать в ГИТИС.

- *Да, там пропускать занятия было опасно.*

- Иногда все равно пропускали. Расскажу такую байку. У нас был очень строгий декан, актер МХАТа Платон Владимирович Лесли, его и любили, и боялись. И вот он вызывает нас «на ковер» - почему пропустили? Некоторые говорили, кто-то умер у них, кто-то болел – ответ был один: «Снять стипендию, снять...» Дошла очередь до меня. Я сказал, что ко мне приехали из Тбилиси друзья, привезли потрясающее вино, еду, и мы на несколько дней увлеклись этим. На что он сказал: «Вот единственный честный человек. А это вино у тебя еще осталось?» И он шел с нами, замечательный был человек.

- *Тогда грузинское вино в Москве пользовалось огромным успехом?*

- Да, не то что сейчас. О вине еще одна байка. Фольклор у нас преподавал крупнейший специалист, очень старый профессор Шамбинаго. Четыре семестра я приходил к нему на экзамен, каждый раз он брал мою зачетку, вслух читал фамилию: «Лордкипанидзе. Грузин? А армянский коньяк лучше». На что я отвечал: «Что вы, профессор? Вы не пили настоящий грузинский коньяк. Вот я поеду на каникулы и привезу вам» - «Хорошо», - говорил он, - и ставил зачет, ничего не спрашивая. Я действительно привозил ему. Тогда какие-то особые отношения были: теплые, человеческие, при этом профессии учили на совесть. Педагоги были уникальные.

- *Талант тамады вы и в Москве совершенствовали?*

- Да, я был неизменным тамадой. Хотя в Москве

Гига Лордкипанидзе с друзьями

ся кинорежиссера Тенгиз Абуладзе и Резо Чхеидзе, и я. Кто мог тогда представить, что из этой комнаты выйдут четыре народных артиста СССР?! Рядом жил выдающийся критик Гия Маргвелашвили, отдельную комнату с роялем имел Гизи Амиеджидзе. А старостой всего общежития была Этери Гугушвили, очень

что такое тамада не очень знали. По-русски я говорил нормально, потому что мама и бабушка кончали русскую гимназию. Но когда я был тамадой, я всегда предупреждал: «Говорить я буду по-русски, только ударения расставляйте сами».

- А кто были мама и бабушка?

- Они из княжеского рода, мама музыку преподавала, и нас с сестрой учила музыке. Бабушка была удивительная женщина, княжна Микеладзе. Мой дядя

Гига Лордкипанидзе с супругой Кетеван Кикнадзе Фото Ю.Мечитова

– знаменитый дирижер Евгений Микеладзе. 37-й год по нашей семье проехал страшно. И отца, и дядю арестовали, расстреляли, да и многих вокруг...

- После ГИТИСа вы вернулись в родные пенаты?

- Не сразу. Свой дипломный спектакль я ставил в русском драмтеатре в Вильнюсе, там же еще два спектакля. Потом меня пригласили в Каунасский музыкальный театр, где я ставил музыкальные спектакли. Пребывание в Литве мне очень много дало как режиссеру драматического и музыкального театра. Тогда были самые прекрасные отношения и между деятелями театра, и между простыми людьми.

- Оттачивали мастерство в третьей стране? А как начиналось восхождение в Тбилиси?

- В Москве меня встретил Михаил Квеселава, ректор Тбилисского театрального института, и предложил мне работать ассистентом у Акакия Васадзе. По природе я человек беспокойный, параллельно я два сезона работал в Гори у Васо Кушиташвили, он вернулся из эмиграции, прошел французскую театральную школу, американскую. И только после этого меня пригласил на постановку в марджановский театр его главреж Вахтанг Таблиашвили. Я ставил там спектакль «Хозяйка гостиницы», Мирандолину играла Верико, потрясающая была в этой роли. Ее партнеры Серго Закариадзе, Акакий Кванталиани и Сандро Жоржолиани. Вообще состав был такой, что трудно представить, как 22-летнему режиссеру доверили таких актеров. И меня оставили там очередным режиссером, что по тем временам было почти невероятно.

- Но охота к перемене мест вас долго не оставляла, пока вас не назначили главным режиссером марджановского. Почему вы вместе с молодыми актерами оставили театр?

- В 1967 году там случилась конфронтация молодежи и старшего поколения. Вот тогда я и 27 актеров ушли и организовали Руставский драматический театр.

- Вы так легко говорите – организовали театр.

- Да нет, это совсем непросто. В Рустави вообще не знали, что такое театр. Но постепенно зрители стали такими патриотами своего театра. Через два года нас уже отправили на гастроли в Москву. По тем временам это знак успеха.

- У вас был сильный актерский состав – будущие звезды театра.

- Да, потрясающая труппа – Отар Мегвинетуцеси, Тенгиз Арчвадзе, Нодар Мгалоблишвили, Гиви Берикашвили, Лео Антадзе... Из актрис были Кэтино Кикнадзе, Заза Лебанидзе, Гуранда Габуния. Тогда они были совсем молодые, еще ничего не умели, они стали выдающимися артистами именно в Рустави. Это, правда, был потрясающий театр. Когда я думаю, что сделал в своей жизни, главное, наверное, рождение Руставского театра. Это был сложный процесс, но вместе с тем большой праздник.

- С советской цензурой приходилось сталкиваться?

- А как же? Мой руставский спектакль «Обвини-

Гига Лордкипанидзе в семейном кругу Фото Ю.Мечитова

тельное заключение» Думбадзе сколько раз снимали. И все-таки по сравнению с Москвой, где вся литературно-художественная элита в дворники пошла, а спектакли закрывали еще до премьеры, в Грузии было намного легче, особенно при Шеварднадзе. Роман «Закон вечности» Ленинскую премию получил, вышел фильм «Покаяние» - до сих пор все хватаются за голову, как его пустили. Все было просто: Шеварднадзе поехал на дачу к Горбачеву, который отдыхал где-то в Пицунде, показал ему этот фильм, убеждал, что сейчас для него самое время, и Горбачев сказал – давайте! Шеварднадзе очень поддержал и Шатрова. Его «Синие кони на красной траве» прекрасно шли у нас, а привезли спектакль в Москву, там уже его не разрешили показывать.

- Связи с русским театром продолжались?

- Конечно. В «Современнике», в его первые годы, когда он звучал как революционный театр, я поставил

«Пятую колонну» Хэмингуэя, а в московском ТЮЗе у Хомского «Я, бабушка, Илико и Илларион», где Лия Ахеджакова, в то время совсем девочка, играла бабушку. Это был выдающийся успех, потрясающая актриса. До этого в ТЮЗе она играла только гусей и прочих животных. Когда я настоял, что именно Ахеджакова должна играть бабушку, все страшно удивились. У меня в Тбилиси была великая актриса в этой роли – Сесилия Такашвили. Но Ахеджакова сыграла совершенно по-другому – это был такой Зурикела в юбке, и сразу ясно было, в кого пошел внук. Позже я ставил у Эфроса на Малой Бронной «Не беспокойся, мама» Думбадзе. Так что связи не прерывались.

- Да и в Тбилиси российские театры часто приезжали на гастроли.

- И «Современник» приезжал, и ТЮЗ, и БДТ Товстоногова. А какой был театр Дружбы – все лучшее, что было в Советском Союзе, показывали в Грузии. А сейчас не то что гастроли, никакой информации нет. Раньше подходил к своему почтовому ящику, а там лежали «Иностранная литература», журналы «Театр», «Дружба народов», в любом киоске московские газеты. А теперь днем с огнем не сыщешь. Было постоянное общение между людьми искусства, где бы они ни жили. Гастроли, творческие встречи, да просто переписка. Параджанов пишет Кулиджанову: «Видел твой фильм «Преступление и наказание». Много преступлений, но никакого наказания». Потом вышел фильм Параджанова «Сурамская крепость». Кулиджанов в ответ: «Видел твою «Сурамскую крепость». Очень напомнила мне ювелирный магазин твоего покойного папы».

- Ваши связи с русским театром заключаются еще в том, что вы два раза были главным режиссером Тбилисского русского театра им. Грибоедова.

- Да, было такое, первый раз в 1964 году, потом в 1972-м. Оба раза работал два года.

- Каким был в то время Грибоедовский театр?

- Я имел счастье работать с такими актерами, как Наталья Бурмистрова, Тамара Белоусова, Арчил Гомиашвили, Мавр Пясецкий, Юра Шевчук. Русский театр был неразрывной частью грузинской театральной культуры. Тогда все мы жили одной творческой жизнью, смотрели спектакли друг друга – грибоедовцы ходили в марджановский, в Руставели, а в спектакле грибоедовцев принимала участие великая Верико Анджапаридзе – в «Деревьях умирают стоя». Не было никакой обособленности, по сути, это был грузинский театр на русском языке. И то, что сейчас эти связи теряются, мне очень больно. Хотя разрыв происходит даже между грузинскими театрами.

- Что такое руководить театром?

- Это ад! Отвечать за все, что происходит в театре, улаживать отношения актеров между собой, а это очень непростой народ. Для меня особенно важным был Руставский театр, я первый раз в жизни почувствовал, что вся труппа была вместе и все болели за спектакль, помогали друг другу. Удивительное единение было, настоящая студийность. Ну, а потом мы опять вернулись в марджановский, я руководил им, а потом ушел в кино.

- Ваш дебют телесериал «Дата Туташиа» прогремел на всю страну. Для вас как режиссера в чем разница между кино и театром? Ведь у вас актеры на экране те же, что и в театре.

- Да, абсолютно все актеры театра. У меня специфическое отношение к кино. Когда говорят о кино, первое, что возникает – пейзаж, открытая площадка, массовка... А для меня кино – это крупный план. Когда в кадре только глаза, и читается мысль. Театр – все-таки расстояние, а в кино лезешь в душу актера. Поэтому мои фильмы в первую очередь актерские.

- При этом колоссальный успех был. В Москве рассказывали, что шоферы такси из своего кармана доплачивали, чтобы на эти два часа уехать со смены и посмотреть фильм. А улицы Москвы пустели на это время.

- Да что таксисты. Когда нам вручали Государственную премию, председатель Комитета кинематографии СССР Сергей Герасимов рассказывал, как они с Тамарой Макаровой удирали из ВГИКа, чтобы успеть к началу сериала.

- Для вас этот первый фильм остался знаковым или были другие?

- Много интересного было. Был еще фильм с трагической судьбой «Клятвенная запись», посвященный Георгиевскому трактату. В Москве его называли шовинистическим, а в Грузии считали, что мы заигрываем с Россией. На звонок Шеварднадзе по поводу фильма в Москве ответили: «Возникает впечатление, что нас связывает только религия». Ни там не угодили, ни здесь. Но я очень люблю этот фильм.

- Интересно было бы сейчас его посмотреть. Почему бы его не пустить по телевидению? Все-таки ключевой момент в истории обеих стран.

- Не покажут. Вы же видите, что творится на телеканалах. А если по сути говорить, то и Россия, и Грузия очень многое потеряли из-за разрыва. Особенно мы. Ведь связи фактически прерваны, если нельзя поехать в Россию, даже письмо нельзя послать.

- Да, потеряли и те, и другие. Но виноваты политики. А политиков выбирает народ. Кто виноват-то?

- Получается, опять народ виноват. Эх, бедный народ.

- Между прочим, вы ведь тоже были в политике – депутат парламента 1991-1999 гг.

- Тогда мы были очень нужны в парламенте. Это были сложные, трагические годы. Мы, люди искусства, Эльдар Шенгелая, Лана Гогоберидзе, я старались занимать объективную позицию в политике, защищать интересы культуры. Особенно болезненно мы воспринимали обострение российско-грузинских отношений, потому что духовно мы связаны с Россией, мы воспитывались на русской культуре, на Толстом, Чехове, Достоевском. Для меня не существует американской культуры. Я глубоко убежден: шовинизм, национализм – это гибель для народа. Самоограничение приносит только вред.

- Какие у вас отношения с сегодняшними политиками?

- Фактически никаких, я ко многому отношусь критически. Я думаю, они не любят культуру, они ее не знают и не хотят знать. Мы для них сложный народ, с которым вроде бы и считаться нужно, а не хочется.

- Вы в свое время были ректором театрального института, сейчас ведете режиссерский курс. Как сегодня обстоят дела с профессиональным обучением?

- Уже и при мне, когда я был ректором, не было того уровня образования, которое получило наше поколение. А сейчас тем более.

На съемках

- Что произошло?

- Проблема в первую очередь в непрофессионализме. Это во всем. Время такое. Простой пример. В театральный институт приходит приказ из Минобразования, что на третьем курсе у студентов-режиссеров снимается предмет «мастерство актера». Там считают, что это не их профиль. Ну, полное непонимание профессии. История театра тоже преподается очень поверхностно, галопом, потому что мало часов отведено для профессиональных предметов. Мне кажется, сейчас вообще нет учебы ни в одном вузе, не только в нашем. Такое впечатление, что это в какой-то степени продуманный план.

- Вы почти 20 лет возглавляете СТД Грузии. Когда-то это был центр для творческих встреч, показов, обсуждений. А что сейчас?

- Сейчас СТД считают антигосударственной организацией.

- Интересно, почему?

- Потому что снять меня нельзя – я не назначен, а избран. На прошлых выборах меня выбрали в третий раз, но это, наверное, уже последний срок. СТД был богатой организацией, было свое производство во всех регионах. Сейчас, когда заглохли государс-

твенные предприятия, то театральные, тем более. На нашей тбилисской фабрике живут беженцы, Сухуми и Цхинвали уже не наши. Раньше СТД помогал актерам, мы посылали в творческие командировки, кроме того, устраивались обсуждения итогов сезона или отдельных постановок, для театров это было событие. Сейчас обсуждения вообще не в моде, никто не хочет знать чужое мнение, все считают, что они гении, и ничего, тем более, критики слушать не хотят. О чем разговор, если актеры даже в своем театре не смотрят спектаклей, в которых они не заняты. Потеряна сплоченность, каждый думает только о себе.

- Вы человек публичный? Любите общество, внимание, это осталось?

- Да, люблю общество, встречи с коллегами, но сейчас этого не хватает, потому что из моего поколения уже никого нет. Ушли Толя Эфрос, Ефремов. Последним моим прибежищем в России был Кирилл Лавров, которого я очень любил, фантастический был человек. А с новым поколением у нас нет никаких связей.

- Зато на ваш юбилей приедут московские коллеги из Конфедерации театральных союзов, которую возглавлял Лавров.

- Да, приедут. Мне даже предлагали отметить юбилей в Москве, где отмечалось мое 75-летие в Доме актера. Сейчас это почти невозможно. Как выехать? Я не могу добираться с пересадками через третью страну. Смысла никакого нет. Приедут мои оставшиеся друзья.

- Для режиссера с его жуткой профессией семья что-то значит?

- Очень много. Если дома беспокойно, то режиссеру конец. Если нет настоящего понимания, уюта, семейного счастья. У меня большая семья: жена, три дочери, зятя, четыре внука, много нас.

- Имея такого папу и маму, народную артистку, кто-то из детей пошел по стопам родителей?

- Одна дочь в театре Руставели, сейчас ее можно увидеть в моем новом спектакле, по-моему, она замечательно сыграла, старшая в Грузинском ТЮЗе, младшая закончила факультет иностранных языков, работает по специальности.

- Вам повезло с семьей с первого раза?

- Как-то моя жена спросила: «В конце концов, скажи, сколько у тебя было жен?» Я ей ответил: «Ты последняя». А в будущем году мы собираемся праздновать золотую свадьбу.

- Что нужно людям, чтобы они были счастливыми?

- Поддержка людей. Когда-то приезжала в Тбилиси группа русских воздушных гимнастов. Один был особенно сильный. И вдруг я узнаю, что его отпустили из цирка. Я спросил у руководителя, почему. Он сказал, что произошел конфликт между группой и этим гимнастом. Я удивился, какое это имеет значение, ну, вы же профессионалы. Он ответил так: «Вот когда летит партнер, и я должен его поймать на лету, недостаточно профессионализма, я должен его любить». Так и в жизни. Если есть любовь к ближнему, не все потеряно. Есть любовь – будет все.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Пастернак и Ивинская

Ирина Емельянова

КОМНАТА НА ДНЕ ДУШИ

ГРУЗИЯ В ЖИЗНИ МОЕЙ СЕМЬИ

Автор этой статьи – Ирина Ивановна Емельянова, дочь Ольги Всеволодовны Ивинской, последней музы Бориса Леонидовича Пастернака, была свидетелем высоких отношений замечательных людей. Она рассказывает о счастливых мгновениях и драматических обстоятельствах этой любви и об истинной роли своей матери в судьбе поэта, о трагической доле семьи. После смерти Б.Пастернака (1960) разделила трагедию Ольги Всеволодовны, арестованной и заключенной в лагерь. Из лагеря И.Емельянова вышла в 1962 году. Окончила Литературный институт. С 1985 года живет в Париже, преподавала русский язык в Сорбонне. Автор книг «Легенды Потаповского переулка» (М., 1997), «Пастернак и Ивинская» (М., 2006).

Ирина Емельянова. Париж. 1990

Мизни моя,
Ан сел моя,
в крепко моя

Ах, ах, ах

Человек
и бес

Борис Пастернак и Ольга Ивинская. Измалково. 1959

Мы были совсем крошками, я и мой брат, когда в сумерках старой московской квартиры, устроившись с ногами в обтрепанном кресле, замороженно слушали, как наша молоденькая, куда-то всегда спешившая мама, читала, иногда целыми часами, свои любимые стихи. «В глубокой теснине Дарьяла, / где роется Терек во мгле...»

Она читала наизусть, полупшепотом, свет не зажигали, чтобы было страшнее, чтобы потом, когда нужно будет спать, для нас долго еще «сквозь туман полуночи блистал огонек золотой...» И эта великая царица Грузии, которая «прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла» была нашим детским наваждением.

Лермонтовская Грузия – первое открытие Кавказа. С этими мифами ребенку предстоит долгая жизнь. А если он – поэт, они навсегда останутся в нем, как это случилось с Пастернаком, чтобы потом обернуться «Сестрой моей – жизнью», памятью о Демоне, «Волнами»... И в детстве мучившая нас царица Тамара становится княжной у лампы, а «печальный Демон, дух изгнанья» – крылатым чудом, глянувшим на нас с врубелевского полотна в Третьяковке, разбившимся ангелом, заломившим «оголенные, исхлестанные, в шрамах» руки – крылья. И главное – «как седеет Кавказ за печалью». Прекрасный и печальный Кавказ. Но

это уже мифы юности, второе открытие Кавказа.

Мама гордилась тем, что знает всего Лермонтова наизусть. Так же смело могла она сказать и о стихах Пастернака. «Разбудите меня ночью... с любого места...» И судьба подарила ей эту «заслуженную» встречу с кумиром ее юности – с Борисом Пастернаком. Студенткой она бывала на его вечерах, поджидала у выхода, но боялась даже написать записку, попросить прочитать любимое стихотворение. Одна личная встреча в 1932 году чуть-чуть было не состоялась: приехавший в Москву Константин Гамсахурдия пригласил к себе в номер в гостиницу «Метрополь» молодых сотрудников журнала «Смена», где она тогда работала. (Так пишет она в своей книге «В плену времени».) Уже во втором часу ночи хозяин объявил, что сейчас к ним приедет Пастернак. Но словно какое-то предчувствие удержало от того, чтобы остаться, «сидеть с ним за одним столом», и она, как девочка, не объясняя причины, убежала.

Знакомство произошло через много-много лет, оно переросло в любовь, в длительную и глубокую связь, выдержившую тяжелейшие испытания. Среди арестов и разлук был и период краткой передышки – «оттепель» в структурах власти, «оттепель» в издательствах... Настоящей волной хлынули издания замученных и расстрелянных поэтов. И тогда я услышала

от Пастернака эти два имени – Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Это было в 1956 году. Он как раз писал очерк – предисловие к готовящемуся однотомнику своих стихов (в издание которого он все-таки слабо верил. Помнится, говорил: «Подожди, это у «них» скоро кончится!»). То, что он рассказывал нам, вошло потом в книгу «Люди и положения» отдельной главой, где есть замечательные слова о его грузинских друзьях, которыми и мне хотелось бы определить свое отношение к этой стране: «Как сейчас вижу эту комнату. Да и как бы я ее забыл? Я тогда же, в тот же вечер,... осторожно, чтобы она не разбилась, опустил ее на дно души...»

Готовился однотомник реабилитированного Тициана Табидзе в Гослитиздате, в редакции народов СССР. Составителем, как бывало в подобных случаях, являлась вдова поэта Нина Александровна Табидзе, которой все эти страшные годы после ареста Тициана помогал Пастернак. Она приехала в Москву, жила у него на даче в Переделкино. Один раз, помнится, зашла и к нам на Потаповский переулок. К тому времени у мамы накопился уже достаточный переводческий опыт. Она очень любила эту работу, особенно переводы грузинской поэзии – и Галактион Табидзе, и Александр Абашели, и Симон Чиковани, и Валериан Гаприндашвили, и Карло Каладзе были уже переведены ею. Многие, в том числе и Пастернак, хвалили ее. В архиве Музея грузинской литературы, где находится часть хранившихся у нас рукописей Пастернака, та, что показалась «незначительной» агентам КГБ, производившим у нас обыск (поэтому они и сохранились в нашем доме), есть свидетельства их совместного труда: иногда он просто пишет свой вариант поверх ее не понравившихся ему строк, иногда ограничивается советами, иногда восхищается: «Очень хорошо, браво! Ты – неподражаема!» Удивительно, но и мама осмеливалась поднимать свой голос: «Оч. плохо!» – написала она как-то около действительно неудачной строки его перевода. Или одобряла: «Чудесно!», «Родной мой, вот это уже ты...» Целые папки черновиков, на которых написано: «Наши грузины», и на этих пожелтевших листках – то ее голос, то его, дополняют, поправляют друг друга, и рождаются замечательные строки, иногда не хуже оригинальных пастернаковских, например, эти: «В воде ловили цапли рыбу./ А волки резали телят./ Я людям говорю спасибо./ Которые нас возродят./ Я лить не стану слез горячих/ О рыщущих нетопырях./ Я реющих мышей летучих/ Не вспомню, побери их прах». (Тициан Табидзе. «Высоким будь, как были предки», перевод Б. Пастернака. Интересно, опубликован ли он? Вадим Козовой, мой муж, перечитывая эти строки, сказал: «Бесподобное, головокружительное дыхание! Мурашки по телу бегут, а из глаз – самые невольные слезы. Бедный, бедный Тициан – и какая палаческая нечисть!»)

После всего, что пережила мама сама за эти годы – тюрьма, лагерь, гибель преждевременно родившегося ребенка в тюрьме – можно себе представить, с каким трепетом отнеслась она к работе над стихами Тициана Табидзе, друга Пастернака, мученика сталинских застенков, собрата по трагической судьбе. Она не спала ночей, как бы заново переживая допросы и этапы, – она ведь была очень открытым отзывчивым человеком!

Она посвятила памяти Тициана стихи: «Угадаю,

как округлы формы/ У души. Передо мной каркас/ Некой поэтической платформы./ Очертанья, скрытые от глаз.../ У меня такое ощущение./ Что с тобой я связана, скорбя.../ От меня зависит сила мщенья/ Отщепенцам, мучившим тебя».

«От меня зависит...» Ей хотелось, чтобы слово замученного поэта прозвучало по-русски так же сильно, как и по-грузински. Мало кто, наверное, мог с таким страстным сочувствием отнестись к лежащему на столе подстрочнику!

«Приходи. Пусть форма станет четче./ Я к тебе прислушаюсь в тиши./ Я горжусь, что вот, я – переводчик/ Старости не знающей души».

Горько вспоминать, но этот порыв натолкнулся на железный семейный кордон. Нина Александровна, горячо преданная «законному» очагу семьи Пастернаков, вдруг, когда книга была готова и должна была уйти в типографию, яростно воспротивилась участию в ней «беззаконной кометы» Ольги Ивинской и потребовала у директора издательства снять ее переводы. А ведь она была составителем! И тут только рыцарская твердость Пастернака спасла положение: он поставил ультиматум – либо все остается как есть, либо он снимает свои переводы. Ох, думаю, нелегко далась ему эта твердость!

Как бы там ни было, Н.А. Табидзе все годы оставалась преданным и верным другом поэта. До самого конца, до последней его минуты, и всегда – «на страже семейных интересов». Именно к ней уехали Пастернаки в феврале 1959 года, когда через Д.А. Поликарпова из ЦК КПСС дали знать, что Пастернак должен уклониться от встречи с приехавшим в Москву английским премьер-министром. Макмиллан поставил условием своего визита (это после скандала с Нобелевской премией) посещение переделкинской дачи Пастернака. А дача должна была оказаться пустой! Какие-то трогательные кошки-мышки в старческих головах генсеков... Однако пришлось в них сыграть и скрыться за Кавказским хребтом.

Обида, нанесенная маме Ниной Александровной, не проходила, она страдала от этого трагического «двурушничества», плакала, не хотела разговаривать со звонившим из Тбилиси БЛ, уехала в Ленинград... Он каждый день писал ей с почты письма, звонил в Москву – я всю жизнь была связным! А письма эти – они опубликованы – полны такой невыразимой нежности и грусти! Тут и сознание вины, и страх за любимую женщину! («Если ты жива, не арестована и в Москве», – пишет он), и твердое нежелание что-либо менять формально в их отношениях («Нити более тонкие, связи более высокие и могучие, чем тесное существование вдвоем на глазах у всех, соединяют нас»), и благодарность жизни, судьбе за «право самозабвенно погружаться в безду восхищения тобой и твоей одаренностью и снова, и дважды, и трижды твоей добротой».

«Я хожу по Тифлису (он всегда говорил Тифлис, а не Тбилиси) не так, как ходил по нему в прошлые свое наезды и гляжу на него не такими глазами». Да, с того далекого первого открытия Грузии прошло почти тридцать лет. Та, первая встреча подарила ему «комнату на дне души», а нам – «Волны», живительный прилив «Второго рождения», неповторимый пастернаковский гимн жизни, труду и красоте. Об этих стихах можно сказать словами Надежды Синяковой, когда-то так

отозвавшейся на «Сестру мою – жизнь»: «Чтобы не хандрить, надо принимать по пять капель Пастернака». И вот, через тридцать лет, он снова ходит по тифлисским улицам, снова в холодные дождливые дни, и эта последняя встреча – прощание, всего год оставалось жить! «Я приехал сейчас не восхищаться, не вдохновляться, я приехал молчать и скрываться, провожаемый общественным проклятием». «Как грустно мне вообще по утрам той знакомою беспричинною грустью, которую я так хорошо знаю с детства!» Но однако именно в Тифлисе, во время прогулок по городу пришла к нему мысль по возвращении домой приняться за большую и долгую новую работу, вроде «Доктора Живаго», за роман, какою-то частицей являющийся его продолжением. «Что я тут делаю? Главным образом – скрываюсь». «Очевидно, сюда дали знать писателям, как вести себя со мной – тихо сдержанно, без банкетов, и я живу у Нины в совершенной глухоте и неизвестности». Но разве нужны ему были «банкеты» с приветственными речами членов тогдашнего Союза писателей Грузии в городе, о котором он сказал когда-то: «Крыши городов дорогой,/ Каждой хижины крыльцо,/ Каждый тополь у порога/ Будут знать тебя в лицо».

Эти последние строки из цикла «Художник», которым мы также обязаны Грузии. Лирический герой этого цикла – поэт, но кто именно? В журнальном варианте цикл имел посвящение – Георгию Леонидзе. Тифлисские улицы, витрины, внезапная метель, скромный дом, властный голос поэта, который «плавит все наперечет», спящие дети в спальней – картины очень конкретные и безусловно связаны с посещением дома Леонидзе, обязаны дружбе с ним. (Весной 2002 года и мне посчастливилось познакомиться с членами этой семьи.) Но постепенно отдаляясь от конкретных черт живого прототипа, образ поэта приобретает патетический масштаб – это уже Художник вне времени, почти что пушкинский пророк, а конь его – не знаменитый ли Мерани Бараташвили, носивший еще лермонтовского Демона?

«Твой поход изменит местность./ Под чугун твоих подков,/ Размывая бессловесность,/ Хлынут волны языков».

Второй раз Грузия вошла в жизнь моей семьи благодаря моему мужу Вадиму Козовому, который считал эту страну своей второй родиной. Мы познакомились (заочно, разумеется) в мордовском лагере для политзаключенных. Мне удалось передать ему, самоотверженно изучающему на лагерных нарах французский язык, антологию современной французской поэзии. Он тогда уже писал стихи и стал пробовать себя в поэтическом переводе. Первым его переводом, еще неумелым, было знаменитое стихотворение Поля Валери «Морское кладбище», где он на разные лады перекладывал прославленный конец этого текста (буквально «Поднимается ветер. Надо попытаться жить»): «Поднялся ветер. Жизнь зовет решиться./ Листает вихрь пожелтые страницы...»

И вот под знаком этого французского поэта началось и наше знакомство, переросшее в семейную близость, и родилась горячая дружба с замечательным грузинским ученым, писателем, прекрасным человеком Акакием Константиновичем Гацерелия. Освободившись из лагеря, отказавшись от рутинной совлужбы, Вадим стал «пробивать» свои переводы.

Он увлекся не столько Валери-поэтом, сколько Валери-мыслителем, в русском понимании этого слова. Он составил и по большей части перевел сам замечательный том эссе Валери об искусстве. В прокисшем царстве марксистско-ленинской эстетики 70-х годов эта книга явилась глотком свежего воздуха, воспитала целое поколение свободно мыслящих интеллигентов. А.К. Гацерелия был горячим поклонником эссеистики Валери, и вот в один прекрасный день мы получили от Татьяны Никольской, известного специалиста по грузинскому авангарду, имевшей много друзей в Тбилиси, письмо: «Вадим, у меня к тебе есть большая просьба. В Тбилиси живет мой большой друг профессор А.К. Гацерелия. Он очень образованный человек, а Валери его кумир. Твоя статья в «Вопросах философии», перепечатанная, у него под стеклом. В комнате фото Валери. Он считает его крупнейшим мыслителем и писателем XX века и мечтает о его сборнике статей. Если бы ты ему послал, он был бы счастлив. Вот его адрес...»

Я думаю, был бы счастлив и сам Валери, узнав, сколько судеб сумел он связать в один узел своим творчеством. И вот осенью 1979 года Вадим сошел с трапа самолета в тбилисском аэропорту, а встречал его АК, с портретом Валери в руках – ведь они не знали друг друга в лицо, а как отличить собрата в толпе встречающих?

Вадим поселился в гостеприимном доме Гацерелия, полюбил его жену, Ламару Владимировну, его детей. Они разговаривали ночами – оба были «совы», оба страшно много курили, оба обожали Розанова... Со слезами рассказывал мне потом Вадим, что АК, оказывается, много лет посылает деньги Татьяне Васильевне, дочери «Василь Василича», как они его называли, узнав, в какой страшной бедности живет «дочь такого великого человека» (слова АК). Может быть, благодаря его помощи, она и сумела написать свои воспоминания об отце, такие пронзительно простые и трагические. АК познакомил Вадима со своими молодыми (тогда!) друзьями: Бачаной Брегвадзе, Гиви Гегечкори, Эмзаром Квитаишвили, который стал теперь и моим другом.

У Вадима был трудный характер и очень нелегкая жизнь. И если были в этой жизни безусловно счастливые минуты, то они связаны с его пребыванием в Грузии, с грузинскими друзьями, которыми он был беззаветно любим и которым остался предан до последней (буквально!) минуты. Ведь поэта, особенно такой трагической ноты, надо иногда «баловать», не жалея ни добрых слов, ни сердца, как не умеют это делать «северные» люди, и он открывается тогда в своей детской незащищенности настежь. Ведь недаром же так манила его всю жизнь тайна человеческой улыбки, его последнее эссе так и называется: «Улыбка». Лица, обернувшиеся к миру с улыбкой... Душевым отдыхом стали для него дни в Тбилиси. В Доме писателей прошел вечер его поэзии. В «Литературной Грузии» с предисловием Бачаны Брегвадзе были впервые на русском языке опубликованы его переводы «проклятых» поэтов – публикация, невозможная в то время в России. Как когда-то Пастернака, его поразила «умственная жизнь, в те годы в такой степени уже редкая».

Чтобы порадовать АК, Вадим, который переписывался с дочерью Поля Валери Агатой, попросил ее

прислать для «грузинского почитателя ее великого отца» надписанные ею книги. Книги дошли. АК, который очень любил посылать длинные телеграммы (в этом тоже была какая-то обаятельная щедрость!), тотчас откликнулся. Вот текст этой телеграммы: «Дорогой милый Вадим поздравляю с новым годом целую тебя детей руки твоей супруги получил твою телеграмму и телеграмму дочери Валерия(!) пишу письмо ей благодаря тебе моя библиотека обогатилась бесценными книгами все время вспоминаем тебя крепкого здоровья и больше ничего не требуй у природы ты слишком богат умственно и духовно до скорейшей встречи с глубоким уважением и любовью всегда ваш – Акакий Гацерелия». Ламара Владимировна, вдова АК, весной 2002 года рассказала мне, что фотография Вадима стояла на ночном столике ее мужа до самой его кончины.

АК через своих друзей, работавших в Музее дружбы народов, договорился о том, чтобы мы (с согласия мамы) продали им хранившуюся у нас часть архива Пастернака. Вадим взял на себя все хлопоты по переговорам (как странно, что в опубликованных материалах музея нет ни слова благодарности нашей семье, причем Вадим небрежно назван Игорем, а ведь этот архив – настоящее сокровище!). Сколько проклятий посыпалось потом на его голову – «продали в Грузию!!!» Мы сделали это совершенно сознательно, не только потому, что в архиве было очень много переводов грузинской поэзии («Наши грузины») как Пастернака, так и мамы, но и потому, что разные свидетельства интимной жизни (записочки Пастернака, его наставления маме и пр.) должны были попасть в руки друзей. АК был горячим сторонником этой акции.

Один раз АК приезжал в Москву и гостил у нас в Потаповском. Он привез свои рассказы, и я была поражена его талантом прозаика, скупым современным языком подлинного мастера. Мы подолгу разговаривали с ним в нашей маленькой кухне, он повел моего сынишку в «Детский мир» и буквально засыпал его игрушками. Устроили и встречу с мамой, АК вспоминал свое знакомство с Пастернаком в 30-е годы, особенно запомнился один его рассказ, наверное, известный многим, – о посещении Пастернаком металлургического комбината, кажется, в Зестафони. Вместо приветственного слова металлургом Пастернак, потрясенный условиями каторжной работы на этом комбинате, воскликнул: «Бедные мои, бедные! Это же ад, настоящий ад!»

Это был замечательный вечер.

Но... «поднялся ветер. Жизнь зовет решиться», – как сказал Поль Валери, и в 1981 году Вадим решился (ему разрешили – после десятилетнего битья головой о стену) поехать во Францию с нашим старшим сыном. Он написал в Грузию письмо перед отъездом: «...случаются, видимо, на свете чудеса. Когда это произойдет, сказать невозможно. Я ничего не забываю: ни Вашу прозу, ни заказы на книги... Построена ли уже квартира для Дуды и ее семьи? Как вы все намерены разместиться? Как теперь обстоит дело с Вашей работой? Хотел бы все знать. Касательно некоторых обстоятельств, приведу слова моего друга, одного из самых ЧИСТОКРОВНЫХ поэтов нашего времени Рене Шара: «Мы сильны. Пусть все силы объединились против нас. Мы уязвимы. Но гораздо меньше, чем нападающие на нас, те, у которых нет

ВТОРОГО дыхания».

Пришло ли к Вадиму во Франции это второе дыхание? Он много работал, много писал. Но состояние того отдыха души, которое он испытал в Грузии, больше не посещало его. Связь с грузинскими друзьями он поддерживал до самой смерти. От АК приходили письма: «Обнимаю и целую Вас как моего сына! Я и все грузинские друзья скучаем по Вас. Скажу больше – Ваше отсутствие порождает ощущение какой-то пустоты». Вадим писал в ответ: «Дорогой АК, письмо Ваше безумно меня обрадовало, как будто услышал я не только Ваш голос, но и грузинский воздух, звуки улиц Тбилиси – все, о чем тоскую. Начал было писать Вам длинное письмо, но оно показалось мне таким грустным, что пришлось отложить... Зато написал дорогому Эмзару, которого помню и люблю...»

Таких писем сохранилось несколько, их нельзя читать без душевной боли: «Дорогой Акакий Константинович, когда читал Ваше письмо, слезы наворачивались у меня от полноты любви и воспоминаний. О Вас, о милых и щедрых грузинских друзьях, о навсегда любимой и незабываемой Грузии, самой, быть может, красивой стране на свете, я говорил здесь многим, в том числе и моим друзьям Мишо, Жюльену Грину, Бланшо, Граку, Беккету, Шару, Жану Кассу и многим другим, лучшим в этой стране. Скажу Вам просто: иногда, когда вспоминаю Грузию, сердце щемит и рыдаю, как маленький ребенок». «Дорогой и любимый Акакий Константинович, давным-давно ничего не знаю о Вас – и всей душой болею за Грузию. У меня теперь сложилось впечатление, что никогда в жизни я больше не увижу Вас, Вашу семью, мне столь близкую, Ваших и моих друзей, о которых вспоминаю часто, и незабываемую, чудесную, сказочную страну...»

Предчувствие не обмануло Вадима. Он больше не увидел своих грузинских друзей. Он скончался 22 марта 1999 года в 8 часов утра, а на его столе лежало последнее в его жизни письмо (не успел отправить) – в Грузию Эмзару Квитаишвили.

А мы, русские или «русскоязычные», в России или разбросанные по свету, но выросшие в общей стране, не порвавшие духовной связи с нашими грузинскими собратьями, продолжаем всей душой, особенно в эти дни остервенелой межгосударственной вражды, болеть за Грузию... Ведь там «седеет Кавказ за печалью...»

ИРИНА ЕМЕЛЬЯНОВА
Париж

Вадим Козовой. Москва. 1989

Ольга Ивинская (1912-1995) как поэт малоизвестна читателю. Ее известность другая: она возлюбленная Б.Пастернака, заплатившая за эту любовь восемью годами лагерей, адресат его поздней лирики. Она стала прообразом Лары, героини романа «Доктор Живаго». Когда поэта не стало, Ивинской долго слышалось: «Прощай, Лара, до свидания на том свете, прощай, краса моя, прощай, радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная...» При этом Ольга Ивинская всю жизнь работала как переводчик поэзии, как профессиональный литератор. И писала стихи – для себя.

МЕТЕЛЬ

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы...
Б. Пастернак

Я люблю, когда в мире метель
И ко мне ты приходишь с погоста,
Словно это обычно и просто.
Неживым притворяться тебе ль?

Я люблю, когда в мире метель
И я вижу твой профиль орлиный,
Молодые глаза и седины,
Теплых губ твоих чувствую хмель.

Я люблю, когда в мире метель,
В белой мгле не отыщешь дорогу,
Словно это усталому богу
На земле расстелили постель.

Я люблю, когда в мире метель,
Когда спутаны в небе созвездья,
Нету тропок, машины не ездят,
Только с неба ползет канитель.

Я люблю, когда в мире метель,
Когда хлопья валяются без толку,
Словно кто-то вверху втихомолку
Украшает огромную ель.

Я люблю, когда в мире метель,
Как любил ты рождественский гомон
И уют деревенского дома,
Где несло через каждую щель.

Я люблю, когда в мире метель,
Светят свечи сквозь белые нити,
Когда спутаны в жизни события
Дальних лет и ближайших недель.

Я люблю, когда в мире метель,
И с тобою мы так же, как прежде
Поддаемся неверной надежде
Кораблей, обреченных на мель.

Я люблю, когда в мире метель,
Что ты сделал с вселенской забавой
Все заслоны крамольною славой
Словно ветром, сорвавши с петель.

Я люблю, когда в мире метель,
Мы с тобой тогда ходим по пруду,
И в снегах, навалившихся грудой
Неживым притворяться – тебе ль?

ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Осинки, папоротники –
Опять – березок наважденье!
Все му, должно быть, вопреки
Теперь мое освобожденье!

Там нет тебя, но я – туда,
Где мы с тобой так чудно жили.
Теперь – на все на те года
Плиту гранита наложили.

Но все ж... берез к закату дня
Листва такая же сквозная!..
Ты был бы рад ей – без меня,
Писал и плакал бы – я знаю!..

***

Пусть юность на щеках поблекла,
Но ты ведь помнишь – где-то там
И чисто вымытые стекла,
И запах кофе по утрам.

И есть еще отдельно где-то
Осенний лес, закат, вода,
Строфа, в которой ты воспета,
И образ твой в строке поэта,
Что не померкнет никогда.

***

Расшибаются ветки о стекла,
Непогода тревожит, гудя.
Даже память как будто намокла
И дрожит под потоком дождя.

Ты со мной говоришь ниоткуда,
Пусть на кладбище ветки черны,
Ты за памятью ходишь по пруду
Незабытой еще стороны.

Там стоят серебристые ивы,
Как всегда, преломляясь в воде,
Там ты тропкой идешь торопливо
Из страны под названьем «нигде».

***

Домишко наш с краю земли,
Мы в нем без прописки, без званья.
Один только тополь вдали
Да станция с кратким названием.

И пусть ничего не сбылось –
Спасибо за тополь в окошке,
Как видно, на станции «Лось»
Сошлись роковые дорожки.

НИ ОДНО ЗВАНИЕ НЕ ПРЕВОСХОДИТ ИМЕНИ

Владимира Меньшова представлять не нужно, ни одно звание не превосходит имени, которое уже вписано в историю российского кинематографа. Надо заметить, что в жизни, в общении оscarоносец точно такой же, как «по телевизору», категоричный, прямой, не изменяющий себе и своим взглядам. С ним можно соглашаться и не соглашаться, но разговаривая с ним, понимаешь, что имеешь дело не просто с человеком, а с неотъемлемой частью той культуры, к которой принадлежишь.

- Вы говорили, что, попав во ВГИК, почувствовали, что «это мое... И даже Феллини оказался для меня... не конкурентом, но объектом пристального внимания, целью, к которой нужно стремиться...» Замечательная фраза, потому что это на самом деле и двигает...

- Расшифровывается она так, что когда попадаешь в то место, которому ты предназначен, а очень многие проживают вообще мимо этих мест, то ты принимаешь табель о рангах и понимаешь, как тебе расти в этом табеле, открывается соревновательность, все это поле. Когда я учился на актерском факультете, у меня оставался чистый восторг перед Смоктуновским, Табаковым, Ефремовым, перед артистами, что, как потом я понял, совсем неправильно, я тогда оставался восторженным почитателем. А, скажем, мой однокурсник Андрей Мягков, я уже в нем угадывал, выходил совсем не с тем чувством после фильма, после спектакля, с которым выходил я. Помню, после фильма «9 дней одного года» Михаила Ильича Ромма мне все думалось, правильно ли я выбрал профессию, не уйти ли мне в физики, вот где настоящие дела происходят. Даже Мягкову сказал, мы в одной комнате жили, он был изумлен: и это после того, как ты посмотрел на Смоктуновского, говоришь о том, чтобы уйти в физики? Я задним числом осознал, что это действительно не моя профессия. Когда я попал во ВГИК, увидел, что это дело, которое я каким-то образом знаю. Оно мое, я умею и хочу этим заниматься. Я ревниво отношусь к своим сокурсникам, к другим работам. Я у них все время учусь и в то же время их отталкиваю от себя: не то, другое. То, что моя жена в свое время, даже сейчас, в минуты сомнений, говорит: «Все это не то, когда ты занимаешься кино, ты слово знаешь». Это именно «слово знает», все можно уметь, но там есть кусочек черта, так сказать, хвоста

Владимир Меньшов на приеме в посольстве Российской Федерации в Грузии

черта, из которого состоит зелье. Все компоненты понятны, а вот этот кусочек хвоста никто не знает, как отыскать, чтобы составить волшебную мазь.

- У вас, помимо прочего, очень точно наведен взгляд на резкость в подборе актеров, и вы говорили, что поскольку окончили актерский факультет, вам не нужен ассистент режиссера в подборе актеров. Что ж получается, режиссура туманит глаза, если только режиссура? Вы просто знаете изнутри, как все делается?

- Конечно, самая сильная сторона моей режиссуры, моего кино заключена в актерских работах, в точном подборе актеров. Хотя, я думаю, в фильме «Зависть богов», последнем моем фильме, есть уже поэзия чистого кино, которой я овладевал, и не сразу ее почувствовал. «Москва слезам не верит», скажем, чисто актерская, блестяще разыгранная история в духе 30-х годов. То кино, которое я всегда любил. Потом уже стало видно, что есть и другое кино, кино Тарковского, кино, в котором первенствует взгляд художника, изображение. Начало по большому счету шло от фильма «Летят журавли». Сейчас операторы стали большую роль играть, художники. Я воспринимал кино через призму 30-х годов. Как говорил Жан Габен, чтобы сделать хорошее кино, нужно три фактора: сценарий – первое, второе – сценарий и третье – сценарий. Что, конечно, нынешнему кинематографу не соответствует. По отношению к Тарковскому так не скажешь.

- Но в «Зависти богов» сценария не было, был только план сценария, остальное – по вдохновению.

Группа участников Международного кинофестиваля «Золотой витязь»

При постановке танца Лавровского, музыке Лебедева...

- Да, там много было такого.

- И это соответствует принципу стихотворения, когда, по вашим же словам, кино начинает жить своей жизнью, и точка ставится в монтажной. У кого как, конечно...

- Надо сказать, что это вообще правильное замечание, к нему любой творческий человек приходит, по-настоящему творческий, потому что много людей думают, что они занимаются творчеством, но параторчество – их сфера. Как тогда это было и требовалось от нас: расписать по кадрам, и ты как бы всю картину создал, осталось ее только снять. Как говорил Рене Клер «Фильм сделан осталось его только снять». Это совершенно другой подход к делу, чем тот, который сейчас восторжествовал. И он гораздо более правильный. Это связано с техническими возможностями кинематографа, потому что каждый план требует долгой, подробной установки света, много усилий, поэтому художнику импровизировать было трудно на съемочной площадке, все уже задано было. Появились мобильные возможности светустановки, и оператор сейчас вообще готов к съемке раньше, чем кинорежиссер. Это дает прекрасную возможность творить уже на съемочной площадке. Зачем мне придумывать подробности, ракурсы, крупные, средние, когда я сначала должен войти в здание, где снимаем - это уже не павильоны, а в большинстве случаев натуральные площадки. Ага, вот тут лестница, какая лестница, интересно, можно

вот что придумать. Это будет сквозь перила, так она спускается, тут останавливается и так далее. Это процесс. Но я пошел дальше: к сотворению фильма на съемочной площадке. Я читал об этом у Феллини и не совсем понимал, потом мне говорил Матронеяни, как он это делает, как ехали на съемку, никогда не зная, что там будет происходить. Но это счастливое, правда, жутко опасное состояние. Оно связано с тем, что странным образом меня не посещает окончательное вдохновение, я все распланировал, знаю, что они должны говорить, но последовательность текста у меня не рождается, перед словом «мотор» остается полчаса, и в это время у меня вдруг начинается. Сажусь и на коленках записываю текст, раздаю. Повидимому, мой нерв, что ли, передается актерам в этот момент, потому что все ужасно живое, а когда оно потом воплощается в фильме, ощущение, что в стальных берегах течет река, и никуда она не свернет, мощный режиссерский замысел. И я понимаю, что так оно и есть: мощный режиссерский замысел. Но я не знал, как оно повернется, и вот это «не знал» - дополнительно очень красивый, настоящий момент творчества. И, разумеется, я знаю, что самое потрясающее ощущение художника – «Ай да Пушкин, ай да сукин сын», или когда я смотрю свою картину и думаю: «Это я сделал?!», «Неужели я смог найти столько тонких красок? Сумел все это организовать». Третий, четвертый план работают, когда человек что-то делает и ничего фальшивого не делает. Он не просто проходит, но если просто, я останавливаю и говорю: «Вы идете в киоск покупать сигареты». Так должно

быть. Он на четвертом плане. И все вместе создает этот поток жизни.

- У вас такое ощущение после каждого фильма, или есть приоритеты?

- Безусловно. Есть и в целом картины, в которых возникает это: неужели я нашел, я, слабый, неуверенный, боящийся каждого кадра, просыпающийся в холодном поту, что, Боже, мы сегодня снимаем кадр, у меня ничего не готово, прихожу на площадку и еще должен перед всеми сказать: «Так, значит, это сюда, это сюда». И делать вид, что я все знаю, а я далеко не все знаю. Прекрасно, когда есть хорошие операторы, художники, помогающие тебе. В первых фильмах совсем не так складывалось, на себе, на своей воле вытягиваешь картину.

- Получается, что современные технологии в определенном смысле меняют структуру режиссерского мышления?

- Мою меняют, не буду говорить за других. Мою поменяли. Появилась возможность не наполнять кадром свет до потемнения, что раньше происходило – стояли приборы, прожектора громадные, сейчас это делается куда легче. Мой друг Карен Шахназаров снимал картину, он вообще потрясен: оператор практически не ставит свет. Я, говорит, думаю, как он, даже глаза не подсвечивает. Не надо, отвечает оператор, все будет на экране. Не верю. Потом попросил напечатать материал, чтобы посмотреть – действительно, все видно, очень хорошо снято.

- Не может такого быть, что режиссер станет оператором?

- Как не может быть? Пример есть. Едва ли не две картины снял Сокуров как оператор.

- Вы не задумывались над этой «прекрасной» перспективой?

- Никогда. Да это глупости. Надо сказать, и он ничем не отличился, зеленое изображение. Не понял я, зачем он это делал.

- Вы говорили, что немногие зрители понимают, что хорошую мелодраму снять так же трудно, как, скажем, «Зеркало» Тарковского. Провокационный вопрос: как отличить хорошие мелодрамы от плохих? В чем фишка?

- Понимаю, провокационный. Никакой фишки, конечно, нет. Это получается или не получается. Насколько я понимаю, мелодрама, да любой жанр никогда не должен быть до конца серьезным. Если нет момента самоироничности у автора... Чем велик, безусловно, величавее всех режиссеров Феллини...

- У него мелодрамы?!

- Нет, у него юмор. У него самоирония. А у Тарковского нет ее. Как говорил Гумилев Анне Ахматовой: «Слушай, Аня, когда я начну пасти народы, ты меня останавливай». Бергман пасет народы, он все равно выступает неким учителем, даже пророком, там самоуважение титаническое проявляется. И Тарковский такого рода. Посмотрите картину Михалкова «12». Тот же самый принцип, абсолютно без момента самоиронии, он уверен, что просто переделывает мир, пусть президенты смотрят его картину. Глупость. Но самоуважение титаническое.

- Многим присуще желание миссионерства, как я называю, комплекс Толстого?

- Немногим. Легко сносит крышу, особенно когда начинается политическая деятельность.

- Бальзак говорил, что талантам нужно помогать, а бездарности пробьются сами. Я читала Ваши слова, что талант все равно пробьется...

- Нет, далеко не все, конечно, пробиваются. Надо бы. Я мечтаю о таком государственном устройстве, которое будет выявлять таланты.

- Какое же?

- Ну какое? Я должен вам сказать, что советская власть в этом смысле была гораздо более благоприятна по отношению к талантливым людям. Я помню конкретные примеры.

- Но это палка о двух концах, таланты отправлялись в места не столь отдаленные...

- Да ну, отправляли, место десятое. Мы сейчас любим вспоминать. Это не так, не то, я не буду сейчас говорить о Советской власти, ее недостатках, но то, что Великая Отечественная война выиграна в немалой степени благодаря тому, что была организована система выявления талантов в стране, во всех ее частях, вытаскивали таланты из той части населения, которая не была задействована раньше.

Существовала прослойка дворянская, разночинская, оттуда поступали таланты. А народ, в основном, служил удобрием и навозом, за 25 лет можно было вытаскивать народ на другой уровень. Почитайте биографии военачальников, боже мой, всех создателей самолетов. Это все же не аристократические семьи, позавчера его отец или дед был крепостным крестьянином, а сегодня он занимается изобретением ИЛов, ЯКов и так далее. Тех, которые выиграла войну, и более того, немцы думали, что перед ними будут гунны, а столкнулись с людьми, которые вычисляли расстояния в сантиметрах, а не в верстах.

- Тогда, получается, в истории России был еще один подобный период – эпоха Петра I.

- В общем, да. Там просто больше был его указующий палец, это не системно, но тем не менее да. А сейчас в искусстве время неживое, могу сказать. Не рождающее нового, интересного. Время телевидения, прямо скажем.

- Скорее, время Интернета...

- Да, скорее Интернета. Кинематограф далеко не занимает тех позиций, которые занимал в прежние времена. Если бы я сейчас выбирал профессию, то, скорее всего, в кино бы не пошел. Совсем не тот кинематограф, который на меня оказывал влияние, после

С.Ларисой Гузеевой

которого я выходил, задумывался, ходил пешком по городу, мечтал. Для меня появлялись какие-то примеры жизненные, звезды загорались. И актерские, режиссерские, и вообще примеры открывалось окно в жизнь. Сейчас кино стало шоу-бизнесом.

- В его светлое будущее вы верите?

- Пожалуй, я не стал бы рисковать, потому что наблюдал немало прогнозов в своей жизни, они все не сбываются. Мы всегда выстраиваем жизнь: сейчас мы в этой точке, а потом в этой, а еще потом в той...

обжигающие спектакли. Естественно, «Современник» молодой. Молодой Любимов, но сегодня уже нечего смотреть там. Сейчас на чеховский театральный фестиваль привозил четыре спектакля канадский режиссер Лепаж – изумительно! Фоменко, конечно. Бог театра... Последние 10 лет связаны с потрясениями фоменковского коллектива, «Владимир III степени», по-моему, сумасшедшее талантливый спектакль. Последние «Три сестры», и думаю, что это конец, все. Но бог театр жил у Фоменко, в его доме.

- Что вы читаете?

- Очень много читаю.

Вообще книги – это то, что меня воспитало. Книги и кино. Я безумно много читал, начиная лет с 10-12. Расписание у меня было такое: я шел в школу, после школы шел в читальный зал, потому что те книги, которые я хотел читать, всегда были на руках в библиотеке, поэтому я сидел в читальном зале. Приходил домой, быстро делал уроки, и книги, затем журналы пошли, потом все, что касается кино, меня заинтересовало. Много очень читал, в период до 20 лет. Сейчас я читаю, в основном, мемуарную литературу, это стариковский выбор.

- Доверяете ей?

- Нет, конечно. Блестящее, великое «Былое и думы». Когда начинаешь

А.Кузнецов, А.Беженцева, В.Меньшов

Значит, потом окажемся на самом верху, а затем обрывается парабола, идет вниз. Поэтому не буду сейчас говорить. Нынешний кинематограф совершенно не выполняет ту функцию, к которой я привык.

- К какой функции вы привыкли? Которая заставляет думать, или дидактическая составляющая тоже важна?

- Мне проще показать пальцем. Вот «Летят журавли», вот «9 дней одного года», вот «Пепел и алмаз», вот «Восемь с половиной», величайший фильм, на мой взгляд, который создан за всю историю кино. Величайший. Конкретные примеры, и их множить и множить, второй ряд выстраивать, третий. Это фильмы, которые оказали на меня потрясающее воздействие. Какое-то онемение возникало. Сродни тем секундам в театре, в большом серьезном театре. Спектакли лучшие, страницы лучших книг. Она оттуда.

- С театром то же самое, по вашему мнению?

- С театром нет. Театр серьезнее.

- Кто из театральных режиссеров в России вам близок?

- Все те же примерно. В частности, если мы в Тбилиси говорим, я помню «Кавказский меловой круг». Товстоноговские спектакли, «Три сестры» во МХАТе, вершина театральная, которую нам посчастливилось увидеть. Были у Толи Васильева – но это все были, 20-летней давности воспоминания – потрясающие,

сверять, скажем, биографии, много несовпадений, но написано так, что хочется верить. Вообще-то это одна из лучших, нет, лучшая книга, написанная на русском языке. Для меня. Так и надо читать, в сравнении, мемуары одного, второго, третьего, эпоху обнимать, тогда складывается свое впечатление.

- Из современной литературы что-нибудь может тянуть на хорошее кино?

- Нет, материала для кино не находил. Есть превосходная, умная книга, которая на меня произвела сильное впечатление. Максим Кантор, известный художник, написал толстенный роман, как «Война и мир», и это не графомания, безумно интересно. О жизни страны эпохи перестройки, конкретно, творческой интеллигенции, еще конкретнее – художники. То, что он очень хорошо знает. Это очень умно. Очень. Я его сразу нашел, познакомился, много с ним разговаривал, он не так разговорчив, сейчас пишет опять какой-то большущий роман, не знаю, удастся ли. Но роман просто замолчали, сейчас такая эпоха, это модно, он не включен ни в какие премии. Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» Василия Аксенова получил премию. Дичь! Ерунда такая, что просто не о чем разговаривать. Бредятина. Но конечно, идет чистое распределение, есть своя либерал-жандармерия, которая следит за всем. Либерал-цензура.

- Какой ее принцип, по вашему мнению?

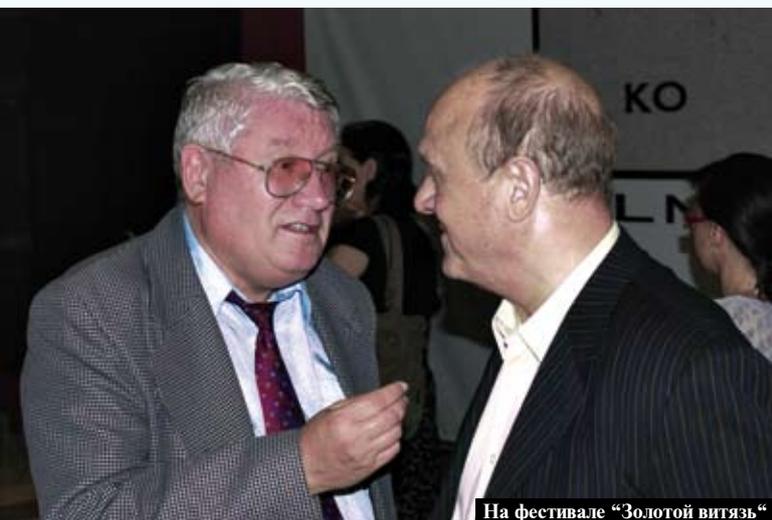
- Не тот, не о том пишет, слишком откровенен, он не принимает либеральные идеалы, например. Попробуй напечататься, и вокруг тебя будет создано общественное мнение, твой издатель подвержен остракизму, не получишь гранты необходимые. То же самое и в кино. Декларированная свобода слова ограничена конкретными денежными поступлениями, но главное, вокруг тебя могут создать ауру отрицательную. Его не уничтожили, но был ряд отрицательных рецензий, а потом замолчали. Хотя книга распродана, допечатывалась, я думаю, тиражом тысяч десять. Главное, ее взяли даже переводить несколько стран, на английский, немецкий, французский - самые основные языки.

- Вы бы по ней сняли кино?

- Нет, по ней нельзя снимать кино, потому что она драма идей, а действия там никакого нет.

- Когда вы были в Тбилиси?

- Тридцать лет назад. Так я помню. Снимался в фильме в 77-м году. И такое ощущение, что после этого я не был ни разу. А тогда у меня было глубокое погружение, я снимался один русский среди всех остальных грузин. Фильм остался совершенно незамеченным, но действительно был момент глубокого погружения, я оказался абсолютно отрезан от русского и погрузился в грузинское общество, это было любопытно, приятно. Всегда предпочитаю пойти погулять. Сегодня вижу, что проспект Руставели похож на некоторый Ренессанс. Самый центр рассветает. Не знаю, как все остальное. Это одна из таинственных вещей, во всей стране зарплаты одни... Я, например, был сейчас в Болгарии, зарплата у них в среднем меньше в два раза, чем у нас, бензин в два раза дороже, чем в России, машин в два раза больше. Как же так? Чем это объяснить? Значит, как-то народ, жизнь сама по себе где-то устроилась и идет. При этом нужно пони-

На фестивале "Золотой витязь"

мать, что у нас средняя зарплата в Москве уже 400 долларов в среднем, и начнут на бензин поднимать цену, не взорвется общество, все равно будет ездить на машинах, без бунта, будут пробки.

- Вы хотели что-нибудь поставить в театре?

- Хотел, и я думаю, что пропустил этот момент, просто по лени. Если бы я начал этим заниматься, может, и сумел что-либо организовать, как, например, Дзеффирелли, Бергман, когда театральная и кинема-

тографическая практика идут параллельно.

- Почему пропустили?

- Пропустил. Сейчас, конечно, поздно начинать. Я лет десять назад поставил одну пьесу в одном театре, я ж начинал как театральным режиссером. Но все время стремился в кино. Вкус к театру у меня обострялся с годами, было все интереснее и интереснее ходить в театр и сталкиваться с режиссерской изобретательностью, которая совершенно не знакома, не присуща, не понимаема кинематографическими режиссерами. Они не понимают, что такое театр. Вот, мол, иди в этом направлении, то сказал, это сказал, особенно сейчас. Вообще режиссерская профессия девальвировала до ужаса. Благодаря этим самым сериалам, там кто только не снимает! Случайные люди. Позавчера он был еще осветителем, сегодня уже снимает. И главная фигура в нашем деле стала продюсер, они задают тон, подбирают актеров, режиссеров – щелчком, если кто-то начнет свое творчество проявлять, это ужасающая девальвация.

- Как вы боретесь с продюсерами?

- Я не снимаю. Когда снимаю, со мною не борются. Но семь лет уже прошло с «Зависти богов».

- Вынужденно не снимаете?

- Нет, я думаю, нет. Проблема есть: нет денег, я начал одну картину «Салонная драма» пока называется. А не получается. Но... черт его знает. Я тоже такой фаталист в этом смысле. А может, так надо. Нет, я, конечно, не выдержу давления продюсера. Пока наоборот, две последние картины снял в состоянии абсолютной раскованности, свободы: что хочу, то и делаю. Никто не вмешивался, я сделал то, что хотел. Такого состояния не было никогда и не будет. Все, это был отрезок, 90-е годы, когда еще не было власти продюсеров и ушла власть государства. А сейчас продюсеры резко ограничивают, и режиссеры превращаются в снимальщиков. Начиная с молодых лет, молодые наиболее гнобятся, их задавливают. И сейчас вырасти художнику довольно сложно. Так нас никогда не давила советская власть. Нас все равно считали творческими единицами. А тут просто приходит жлоб, который как бы имеет деньги. Хотя и деньги у него не свои, а государственные, но все равно.

- Какая система на Западе?

- Да такая же. Просто более уважительная. Там это все давно, и вырабатывается культура взаимоотношений. Но в принципе все равно. Просто культура означает, что продюсеры начинают со временем понимать. Сначала они дорываются до власти, до денег и думают, что главные, потом понимают, что не такие главные, и если будут давить на режиссеров, те не выдают продукта интересного. И культура этими слоями наращивается. Вырабатываются определенные отношения: с этим режиссером придется потерпеть. Феллини же тоже с продюсерами работал, но продюсеры терпели. Хотя он тоже проигрывал, но и продюсер рисковал с ним. И Феллини в этом единоборстве проигрывал, в «Восемь с половиной» все написано, продюсер приходит как бог...

- Сегодня на российском кино для Вас есть что-нибудь интересное?

- Есть. Буквально несколько дней назад рассматривали на оscarовском комитете фильмы, которые будут представлены. Звягинцев снял картину, он художник, на которого можно надеяться.

ИННА КУЛИШОВА

«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ТЕАТР»

Олегу Михайловичу Виноградову – одному из ведущих и интереснейших балетмейстеров современности – 70! «Русский клуб» присоединяется к многочисленным поздравлениям в адрес юбиляра, желает ему дальнейших творческих свершений и ждет новых встреч.

Тбилисцы и сегодня помнят, как всколыхнули наш город гастроли прославленной балетной труппы Ленинградского академического (ныне – Мариинского) театра оперы и балета. Все три привезенных спектакля вызвали самый живой интерес, бурные, горячие споры, но естественно, в центре всеобщего внимания был поставленный Олегом Михайловичем балет Алексея Мачавариани «Витязь в тигровой шкуре».

О том, как родилась идея создания «Витязя», как работалось над балетом, что было наиболее трудным и особенно радостным в этом процессе, чем обогатило приобщение к Руставели и грузинской культуре, – на эти вопросы любезно согласился ответить «Русскому клубу» юбиляр.

«Я и не думал, что возьмусь за эту тему. О грузинском танце знал лишь школьные «азы», поэму полностью не читал, в Грузии никогда не был, с ее культурой был знаком поверхностно (видел выступление ансамбля под руководством И. Сухишвили и Н. Рамишвили да отрывки из фильма-балета «Отелло»). Правда, многое уже тогда поразило и восхитило меня.

Так вот, как-то пасмурным днем вдруг раздался телефонный звонок. Звонил композитор Мачавариани. Представившись, сказал, что у него есть балет и он хочет, чтобы ставил его я. Все это было очень неожиданно, я начал отказываться, говоря, что гораздо целесообразнее поручить постановку грузинскому хореографу. Но автор стоял на своем, сказав, что забирает партитуру у Григоровича (который держал ее 12 лет, но дальше написания либретто дело не дошло). Меня смущало и то, что сроки были жесткие (а я обычно готовлюсь к постановке долго, не менее 3 лет – собираю материал, анализирую, «пропитываюсь» им; к «Ярославне» готовился 11 лет, к «Ревизору» – 8!). В конце концов мы пришли к компромиссному решению: я от постановки отказался, но сказал, что «Витязь» обязательно должен ставиться в Кировском театре и с этой целью я приглашу Игоря Чернышева. Договор с Чернышевым был вскоре заключен, он прослушал музыку и к определенной дате должен был представить экспозицию, но то ли не уложился в срок, то ли была какая-то другая причина, только задание выполнено не было. Словом, я понял, что дело срывается и принял решение – ставить балет сам. Позвонил автору и услышал в ответ: «Так и должно было быть». И началась бешенная работа. Первым делом встретился с Тенгизом Сухишвили, а летом (это был 1984 год) поехал в Грузию. Побывал в Гелати, Вардзии, был в храмах Светицховели, Баграта. Стал слушать музыку, прочел поэму; с первого раза, конечно, не понял всей ее глубины и перечел все, что только можно было прочесть в связи с автором, произведением, историей, культурой

Грузии той поры. Словом, полностью, с головой ушел в материал. Самым большим открытием для меня было то, что Руставели написал свою гениальную поэму для всего человечества. Это меня потрясло, и я понял, что нельзя ставить национальный балет. Ведь быть национальным это, в первую очередь, значит быть интернациональным. Началась уже конкретная работа. Мы переделали либретто (зная, что «нельзя объять необъятного», пошли не по пути развертывания сюжета, поэмы, а по пути обобщений. Добро и зло. Любовь, верность, дружба – вечные, неувядающие темы!), вместе с автором и дирижером – Вахтангом Мачавариани – начали скрупулезно выбирать музыку, идя на вынужденные (и далеко не безболезненные) сокращения. Работа эта продолжалась долго. В результате я сделал не грузинские танцы, а грузинские образы в танце. Балет сложен по структуре, его надо смотреть не один раз. Мне важно, чтобы работала зрительская мысль, чтобы зритель шел за нами. И мне кажется, что постепенно спектакль полюбили, хотя чего скрывать, вначале было почти абсолютное недоумение; но желание понять, постичь, видимо, победило. Не могу не отметить большого интереса труппы, хотя работа была изнурительная. Спектакль должен жить во времени. Ведь он, в полном смысле слова, начинается с премьеры. Пока нет публики, ее реакции, артист не реагирует на зал. И еще один момент: когда спектакль выходит из твоих рук, ты уже на него не влияешь, «ребенок» начинает жить «своей жизнью». Это не значит, конечно, что он уходит из под моего контроля; я смотрю все спектакли, а потом еще просматриваю их в записи.

Что мне принесла работа над «Витязем»? Больше всего мук! Но и огромную радость, конечно, тоже. Что может сравниться с чувством, когда ты понимаешь, что участники спектакля, зрители, коллеги разделяют твою эстетику (а ведь произведение нужно судить по законам художника). В Чикаго «Витязю» присудили премию Пикассо за то, что балет «оригинален, лишен подражательности зарубежной хореографии, национален и интернационален». Спектакль был отобран и для «Экспо-86», так как был признан очень красивым, красочным зрелищем. Я люблю разную хореографию, но больше всего – красивую (я все свои балеты сначала рисую). «Витязь» мой самый красивый балет и в этом мне очень помог художник Теймураз Мурванидзе.

Что самое сложное и самое легкое в работе? Легкое вообще никогда не бывает. В театре, а особенно в балете, масса проблем. Феномен нашей профессии – относительно короткий творческий век артиста, жесткая конкуренция (творчество есть творчество!). Я распоряжаюсь судьбами людей, принимаю очень важные решения, очень многое могу, отвечаю за все. Это – и счастье, и огромная ответственность. Чем больше можешь – тем больше ответственность. У меня есть все, но я почти ничем не пользуюсь, так как вся моя жизнь – это театр.

С кем из деятелей грузинского искусства мне приходилось встречаться, какие произведения врезались в память? Прежде всего хочу назвать поразительного художника и человека – Соломона Вирсаладзе. Первая встреча была «заочной» – я был ошеломлен его декорациями к «Отелло». А позднее, в Новосибирском театре, судьба подарила мне счастье личного знакомства. Мне трудно ответить, чем я восхищался больше – оформленными ли им спектаклями, живописью, редкостной, многогранной образованностью, безупречным вкусом. Я еще раз повторяю, что общение с такой феноменальной личностью – подарок судьбы. И

потому я не уставал учиться (так же, как учился у Григоровича, который ставил в Новосибирске «Каменный цветок» (1959 г.) и «Легенду о любви» (1962 г.) работам Вирсаладзе в равной степени были свойственны глубокое понимание специфики изобразительного решения балета, гармонии колорита, музыкальность живописи, мастерство балетного костюма, умение создавать в изобразительном оформлении обобщенный образ, несущий идею спектакля. Словом, С. Вирсаладзе – это целая эпоха в сценографии.

О Вахтанге Михайловиче Чабукиани я впервые услышал в хореографическом училище, где он был живой легендой и где до сих пор помнят его мужественного, сильного Фрондосо, отважного Джарджи, искрометного Базиля, трагического Отелло (до сих пор живо в памяти то большое впечатление, которое произвел на меня спектакль, хотя видел его не «вживе», а лишь на экране и то в отрывках). Помнят и чтут его не только за мастерство танцовщика и балетмейстера, но и как одного из создателей героического стиля мужского классического танца, четко определившего его актерское начало и оказавшего огромное влияние на последующих исполнителей.

Очень хорошо помню первую камерную программу Гоги Алексидзе, которая произвела на меня грандиозное впечатление. Балетмейстер работает очень индивидуально. Безмерно интересно за ним наблюдать.

Не могу не сказать хоть несколько слов о грузинском кино. Считаю, что это – чудо и живет оно своей жизнью, доказывая, что в любое время можно делать Дело и творить Добро. Не знаю, что поразило меня так, как «Цвет граната» С. Параджанова, удивительного художника, человека, не мыслившего себя вне и без Тбилиси. Помню, как волновался, когда смотрел «Пиросмани». «Покаяние» смотрел «нелегально» на квартире у друзей. Копия была жуткая, но потрясение от фильма не стало от этого меньше. Очень захотел познакомиться с режиссером и когда это произошло, он поразил меня своей деликатностью, интеллигентностью. Помню, что не удержался и спросил: «Как Вы смогли создать такое? Как не побоялись? Сколько нужно было иметь мужества!» Ответ Абуладзе ошеломил: «Не сомневаюсь, что придет время и фильм будет идти на всех экранах и не только у нас в стране, будет получать призы и награды». Надо же так верить в силу своего искусства!

Напоследок не могу не сказать, что гастроли в Тбилиси превзошли наши самые радужные надежды. Мы рады, что приехали, к вам тогда, когда город, как нам кажется, в этом нуждался. С другой стороны, мне хотелось познакомить нашу труппу с этой благословенной страной и ее людьми. И познание началось буквально с первой встречи, с потрясающей сценки. Группа наших молодых артистов отправилась осматривать старую часть Тбилиси. Неожиданно пошел дождь. И вдруг, они увидели, как по широкому балкону второго этажа дома двигался мальчик с зонтом в руке, им он прикрывал проходивших внизу людей. Ну что может лучше рассказать о вашем народе, о его душе и духе! Что, кроме огромного счастья, можно пожелать стране, подарившей миру таких корифеев балета, как Джордж Баланчин, Ваханг Чабукиани, Солико Вирсаладзе? Общаюсь с Грузией, лично я многому учусь у ее народа. Я учусь вашей культуре, человечности, открытости, самостоятельности, умению постоять за себя. Многое из того, что есть у вас, мы, к сожалению, уже утеряли.

ДОНАРА КАНДЕЛАКИ

Олег Виноградов на репетиции

Сцены из балета «Витязь в тигровой шкуре»

Не помня прошлое своего народа, маловероятно увидеть его будущее. Вчера всегда определяет завтра. Это закон истории. И беден тот, кто обделен прошлым. Забыл либо забудет свою историю.

Скучно было бы жить человеку, если не было бы у него воображения.

«Исторической памяти воображение не противопоставлено: желательно, однако, чтобы и оно было историческим».

Отголоски, фрагменты, мозаика личностей и событий – все в прошлом. Ошибочно думать, что история – одни лишь факты. Не предстанет она в полном свете без нашего воображения.

Погружаясь в глубь веков, теряешь связь с действительностью, и возрождаются реалии ушедших поколений. Это необходимо, чтоб, оглянувшись, взять урок у прошлого и не повторить уже свершенных ошибок. А еще... еще чтоб быть гордым за своих предков.

Вторая половина XVII века: Картли и Кахети в руках царей мусульманского вероисповедания. Внутри страны – бесконечные междоусобные распри. В этот период во многих частях Грузии возникают полунезависимые феодальные княжества – сатавадо. Уязвимость и раздробленность были на руку внешнему врагу. Иранские шахи ловили момент – обращали грузинских феодалов в мусульманство.

Такой была картина, когда царем Картли становится Вахтанг VI. Грузинская история сохранила о нем добрую память. Правитель-ученый, он собрал при дворе просвещеннейших. Его окружали литераторы, поэты, историки. Рядом был Учитель – выдающийся мыслитель Сулхан-Саба Орбелиани, автор «Мудрости вымысла». В период правления Вахтанга была создана «Комиссия ученых мужей», которая изучала грузинские исторические источники. В Тбилиси открылась первая грузинская типография (1709 г.), где в 1712 вышел бессмертный «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Поэма сопровождалась комментариями самого Вахтанга. Так картлийским царем было заложено начало руставелологии.

Талантливый переводчик, он издал сборник нравоучительных историй «Калила и Димна», переведенных им с персидского. Кипевшая при дворе культурная жизнь воодушевляла и на политические реформы: создание свода законов, т.н. «Судебник», возвращение беглых крестьян, улучшение торговых связей, строительство караван-сараев...

Но кругом по-прежнему феодалы продолжали строить друг против друга козни, грабить соседские владения, менять грузинский уклад жизни на персидский. Сулхан-Саба с горечью писал о них: «Вы продаете веру за мелкую мзду или из зависти к соседу...» Все это делало смелые попытки Вахтанга VI усилить государственную власть тщетными.

Желание грузинского царя завязать диалог с Западной Европой не принесло результатов. Ни Папа Римский, ни «Король-солнце» Франции Людовик XIV не собирались портить отношения с Персией и Турцией.

Выбор Вахтанга пал на северного соседа – Россию. И вновь оглянемся назад на галерею российских государей, у кого Грузия находила поддержку: Иван III князь московский, цари Иван Грозный, Борис Годунов, Алексей Михайлович Романов, Петр Великий и

ГРУЗИНЫ НА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки: бумага «обладает» памятью...

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Д.С. Лихачев. «Письма о добром и прекрасном».

Вахтанг VI

внук его император Петр II.

В 1723 году Вахтанг VI по указу шаха был лишен власти. Вместе с сыновьями Бакаром и Георгием в сопровождении своего двора он вынужден был искать пристанища, которое обрел на Московской земле. В Грузии же началась эпоха господства османов, длившаяся тяжких 12 лет.

Исход из земли Иверской... Можно представить, с каким беспокойным сердцем покидали они Грузию. Наверное, уже тогда поселилось предчувствие: возвратиться – не судьба. Но надежда жила в каждом...

19 декабря 1729 года. В этот день «императором и самодержцем всероссийским и прочая, и прочая» Петром II издан Указ о пожаловании земли и угодий грузинам. Стояла настоящая русская зима. Снегопад. Метель. Речка Пресня, превратившаяся в ледовый каток. Так село Воскресенское встречало южных гостей. Лед тронулся: грузинская слобода начала летопись...

И село Воскресенское несет свою историю. В XVII веке это дворцовое село, в начале XVIII оно было пожаловано рязанскому епископу, чуть позже в 1716-1719 годах для проживающих здесь армян была построена армянская церковь. Наконец, в 1729 году Воскресенское переходит к царю грузинскому и его приближенным. На постройку домов Петр II выделил 10 тыс. рублей – по тем временам сумма немалая. К востоку от грузинского поселения протянулись пустыри и пахотные земли. Между ними проходила проселочная дорога. К середине XVIII века она превратилась в улицу – в Большую Грузинскую. А район

назвали просто – Грузины. Здесь все застройки были из дерева. Только церкви – Армянская (ее снесли в советское время) и Церковь св. Георгия – каменные. Один из старейших грузинских храмов в Москве, построенный по указу царевича Георгия в 1750 году, был особым православным центром, где богослужение и церковные обряды совершались на грузинском языке. При советской власти церковь закрыли, помещение было отдано под учебное заведение. Но и это «было» ушло в небытие, занесено песками времени. И сегодня в XXI веке восстановленная церковь Георгия в Грузинах (Большая Грузинская, 13) продолжает миссию, начатую в XVIII веке. Вот он – мост времен. О, Хронос, не умолишь тебя быть менее молниеносным!

Как-то Валентин Катаев очень верно написал:

«Как устойчивы... призраки некогда существовавших... церквей, особнячков, зданий... Иногда эти призраки более реальны...»

Дом-мемориал по адресу Большая Грузинская, 5... Деревянный на каменном основании, с мезонинами. В чем-то – сходство с домами старого Тбилиси. Лестницы с витыми балясинами, сохранившиеся фрагменты росписей и интерьер в восточном стиле. Он еще заселен призраками. Не подумайте, ничего пугающего в этом нет. Атмосфера, запахи, звуки-шорохи остались от ушедшей в историю жизни грузинского царского двора. Предположительно этот особняк принадлежал царевичу Бакару.

В 1981 году состоялось открытие Дома-мемориала на Большой Грузинской. Присутствовавший на нем поэт-академик Ираклий Абашидзе сказал:

«Открывая... этот старинный грузинский дом, мы стираем пыль забвения с картины, которая писалась здесь под северным небом...»

А писалось многое. Ни дня без строчки – и перед нами удивительные результаты: научные труды Вахушти Багратиони «Описание царства Грузинского» и «География Грузии», составленный им же географический атлас Грузии, изданные на грузинском языке царевичем Бакаром книги, стихи и поэмы замечательных поэтов Давида Гурамишвили и Мамуки Бараташвили, «Словарь грузинского языка», переписанный здесь же в Москве.

В Грузинах был создан настоящий оазис грузинской культуры.

Сыграть роль в истории – под силу отнюдь не каждому. Проще мелькнуть в тумане ее – и уйти, оставив лишь тень, тень невесомую, мимолетную.

«В городе Москве мы ждали солнца» (Давид Гурамишвили).

Солнценосным было их пребывание на Большой Грузинской. Светлым осталось оно в памяти исторической.

История не может лицемерить, считал историк Вахушти Багратиони.

Нельзя отрицать, чернить и предавать забвению прошлое. Они писали свою историю для будущих поколений. И летопись эта не прервалась и нашла свое завтра.

Из Дмитрия Сергеевича Лихачева:

«Память – преодоление времени, преодоление смерти...»

Листаешь страницы истории и понимаешь: история живая, и пока мы о ней помним, жить будет. Связь времен не распадется...

АЛЕНА ДЕНЯГА

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ

«Напишите о Рафаэле Чимишкяне, – сказала мне Нана Мchedlishvili, супруга Левана Тедиашвили. – Почему вы этого до сих пор не сделали?» «В самом деле, почему?» – думаю я растерянно. Чимишкян не прост, при малом своем росте в спорте великан, человек-гора. И иду я к нему долгие годы, как к заветной вершине, к которой без основательной подготовки не подступишься. Я иду к горе, и гора – ко мне, как к тому пророку. Чимишкяна с Тедиашвили водой не разольешь, благо живут по соседству. Когда встречаются и идут вместе, кажется улица тесной для двух олимпийских чемпионов. Заслуженных мастеров спорта и заслуженных людей, Почетных граждан города Тбилиси.

Сказать, что Рафаэл родился в Тбилиси, значит ничего не сказать. Родился он в историческом его центре, на Земмеле, на тихой улочке Габашвили, вобравшей в себя его тепло и свет. Родители – Аркадий Чимишкян и Нина Беридзе – в своих мечтах видели Рафика сильным, честным, не чурающимся труда, исполненным собственного достоинства – настоящим карачохели, цветом города. Но до признания его таковым еще как далеко!

Черноглазый мальчишка с упоением гоняет мяч на улице, завидуя славе Бориса Пайчадзе, бегают к цирку, в парк, еще не поредевший под натиском закусочных и ресторанов, борется с ровесниками по правилам, когда побежденного одетым купали в бассейне, именуемом купальней, лазит по тутовым деревьям, набивая рот иссиня-черными ягодами, весомой витаминной добавкой к несътому военному детству. И уже близок день, когда он присел в своем дворе над штангой, о которой сегодня вспоминает с улыбкой, играючи вскинул над сильными руками и, побед-

но бросив наземь, увидел изумленные глаза соседа, актера киностудии «Грузия-фильм» Вано Туришвили, который все это время отгонял его от самодельного своего спортивного снаряда, – не надорвался бы парнишка!

Выбор был сделан. 17-летний Рафик идет в динамовский тяжелоатлетический зал на улице Бесики, к дяде Павлику, который пока не заслуженный тренер СССР Павел Гумашян. Прощайте детские игры! Рафаэл включается в железную игру настоящих мужчин,

Рафаэл Чимишкян. 1955

которая через пять лет приведет его к триумфу в Хельсинки.

За два дня до отъезда из Выборга, где советские штангисты проходили акклиматизацию перед Олимпийскими играми, случилось то, что не мог бы придумать самый изобретательный сценарист. Чимишкян заболел воспалением легких. И оказался в санитарном вагоне, в хвосте поезда, увозившем спортсменов в Хельсинки. Его соседом по купе был Арсен Мекокишвили, неожиданно подвергшийся атаке аллергии. Весь разрисованный зеленкой, 40-летний богатырь стеснялся выходить в коридор. «Не переживай, дядя Арсен, – говорил ему Рафаэл. – До Хельсинки все пройдет». «А я не переживаю, – отвечал он. – В таком виде больше внушаю страх соперникам. И запомни, едем мы с тобой в последнем вагоне, а возвращаться будем в первом».

Мекокишвили еще в дороге всерьез подумывал об олимпийском золоте. А Рафаэл температурил. В самый неподходящий момент и месте – в Отаниеми, на берегу моря, в восьми километрах от финской столицы, переживал за товарищей, которые уже начали борьбу. За неделю до выхода на помост, тренеры разрешили ему тренировки с малым весом. Главврач советской спортивной делегации уроженец Тбилиси Жора Куколевский распорядился, и Чимишкяну выдают в пищеблоке все самое вкусное. Постепенно

возвращается сила. А он беспокоится, выпустят ли на помост его тренеры, не повторится ли парижская история двухлетней давности.

О ней вспоминал другой выдающийся советский тяжелоатлет – олимпийский чемпион в Мельбурне (1956) и Риме (1960), заслуженный мастер спорта и доктор медицинских наук Аркадий Воробьев.

Ночью Аркадия Воробьева разбудил какой-то странный звук. Он открыл глаза и увидел: Чимишкян, с которым они жили в одном номере гостиницы, под-

Ш.Цивцивадзе, А.Чилингаров (оба - Тбилиси), Г.Новак (Москва), Р.Чимишкян, Ю.Дуганов (Ленинград). 1955

В.Балавадзе, Р.Чимишкян, Г.Картозия. I Спартакиада народов СССР. Москва. 1956

Награждение. И.Удодов (Ростов), Р.Чимишкян, О.Мазуренко (Киев). Первенство СССР. Тбилиси. 1955

нялся с постели, походкой лунатика пересек комнату и остановился возле стола. Пошарил рукой по скатерти. Потом забулькала вода – откинув голову и не открывая глаз, Рафаэл прямо из графина пил воду. Воробьев бросился к нему. «Стой! Что ты делаешь?! – закричал он, тормоша друга за плечо. – Тебе же через несколько часов взвешиваться».

Рафаэл вздрогнул от окрика, открыл глаза. Пальцы его разжались, графин, ударившись об пол, разлетелся на мелкие кусочки. Рафаэл молча стоял и смотрел невидящим взглядом на Воробьева.

Потом он рассказывал: «Полночи мучился. Где-то шумит вода, а я слушаю и не могу уснуть. Наконец, задремал. Вижу – вокруг лес, журчит ручей. Прозрачный, холодный... А мне хочется до смерти пить... Пошел к ручью и стал пить».

Сейчас самое время объяснить природу этой великой жажды. В 1950 году на чемпионат мира в Париже не заявили нашего «мухача» ростовчанина Ивана Удодова, который в войну оказался на оккупированной территории.

Вес «оголился». Тренеры, ходившие мрачнее тучи, думали, как произвести срочную перегруппировку сил. Решили просить полуплегковеса Чимишкяна экстренно согнать семь килограммов и перейти в легчайший вес. Задание, прямо скажем, архисложное даже для тяжеловеса. Чимишкян согласился. За сутки до выхода на мировой помост отправился в парную, просидел там несколько часов, но вес до требуемого предела не согнал. Нечего ему было согнать. Наутро, после ночного происшествия в гостинице, он все еще весил на полтора килограмма больше нужного. А времени до взвешивания уже не остается. Тренеры повторно отправляют штангиста в преисподнюю жаркой парной... За несколько минут до взвешивания Рафаэла под руки привели в судейскую комнату. Стрелка

Э.Курганидзе, Л.Тедиашвили, Р.Чимишкян. Тбилиси. 2006

весов закачалась и показала норму!

Воробьев вспоминал: «Не Чимишкян, а мощи его вышли в тот день на помост. Но в нем жил неукротимый дух бойца. Рафаэл отчаянно сражался с феноменальным иранцем Махмудом Намдью, проиграл, но, право, чистым золотом отливала в наших глазах его серебряная медаль».

Добавим от себя, что, готовя Рафаэла к решающей схватке, тренеры забыли в гостинице его вещи, выступать пришлось в чужих ботинках, великоватых для него, и в чужом костюме. Его выступление назвал героическим Яков Куценко – еще один легендарный штангист, с именем которого связана целая эпоха в развитии отечественной тяжелой атлетики. Рафаэл, хотя и был вторым, но мировой рекорд в рывке все же установил.

Оно стало прелюдией славы железного тбилисца, к звездному часу в олимпийском зале «Мессухали-2», где соревновались штангисты.

«В Хельсинки лояльность Удодова к советской власти подозрений не вызывала, – рассказывает Рафаэл Аркадьевич. – Он выиграл золотую медаль в легчайшем весе, до того, как мы с Николаем Саксоновым, армейцем из Свердловска, вышли на помост. Реальную угрозу представлял чернокожий Родни Уилкс, единственный представитель Тринидада на Играх, серебряный призер Лондонской олимпиады. Кроме нас, в полулегком весе заявлены 19 атлетов. Наставники сборной хлопочут вокруг Саксонова, дают советы: старший тренер Николай Шатов, личный тренер армейца Яков Куценко, врачи, массажисты. Я ос-

таюсь в разминочном зале один, как сирота. Я и мой тренер в сборной Израиль Механик.

Надо сказать, что первое соревнование у Саксонова уже выиграл – на взвешивании, я легче, и это определяет тактику борьбы. Первое упражнение – жим – проходит нормально. Уилкс выжимает 100 кг, я – 97,5 и опережаю на 2,5 кг Саксонова.

Время позднее – далеко за полночь. Уходит последний автобус в олимпийскую деревню. Ко мне приходят из зала Гиви Картозия и Вахтанг Балавадзе, желают победы. Картозия подходит первым, прикладывает руку к моей: «Мою силу – тебе».

В третьем подходе вырываю 105. Саксонов фиксирует тот же вес. Но за счет рывка выхожу вперед в сумме: у меня 202,5. У Саксонова, догнавшего Уилкса, – 200.

Все решит заключительное упражнение. Толчок – фаворитное для Саксонова упражнение. Он – мировой рекордсмен.

Готовлюсь к борьбе. И тут начинаются неожиданности. Тренеры заявляют для меня 130 кг. На тренировках я толкал 140. И сейчас энергично возражаю. Израиль Механик просит Шатова сообщить судейской бригаде, что мы пропускаем заявленный вес. Но на штанге по-прежнему 130. Меня вторично вызывают на помост. Мой подход удачен, штанга на вытянутых руках. Саксонов толкает 132,5. Мой тренер заказывает 135 – привычный для нас вес, но я так переволновался, что беру штангу на грудь и роняю. Сгоряча прошу Изю Механика пустить меня на 137,5. Но тренер убеждает остаться на прежнем весе. Подхожу к

снаряду, и, разгоряченный, как пушинку, взметаю его над головой. Теперь у меня в сумме 337,5 кг – новый мировой и олимпийский рекорды, что на пять килограммов превышает высшее достижение египтянина Махмуда Фаяда, чемпиона Лондонской олимпиады.

Для победы Саксонову нужно толкнуть 140, и он поднимает штангу, но только на грудь. Остается у него последняя попытка. Я затаил дыхание. Но нет – предыдущая борьба измотала Николая, он весь выложился на предыдущих подходах.

Вот он сладкий миг победы. Ликующие и радостные, мы с Механиком выходим на награждение. Но меня не оставляет досада, результат в сумме троеборья мог быть выше, не будь наши тренеры так осторожны и рассудительны.

Теперь домой, в олимпийскую деревню. Сбросить груз огромной усталости, физической и нервной. Увидеться с друзьями, которые не спят, волнуются за меня. Возвращаюсь домой, как и подобает истинному тбилисцу, – с автомобильными гудками, насилию уговорив шофера автобуса нарушить покой уснувшей олимпийской деревни. У порога нашего дома вижу Гиви и Вахтанга. Они без слов понимают, что произошло. Картозия сажает меня себе на спину и кричит: «Наш малыш всех победил!» Мы совершаем круг почета вокруг здания. Я чувствую безграничную радость. Сияет улыбкой Картозия: «Видишь, помогла тебе моя сила». Утром на всеобщем построении советской спортивной делегации руководитель Спорткомитета СССР Николай Романов зачитал приказ о присвоении Рафаэлу Чимишкяну звания заслуженного мастера спорта. Одновременно звание заслуженного тренера СССР присвоили Павлу Гумашяну, к которому позже пришло новое признание – он стал заслуженным мастером спорта.

Спустя 45 лет Чимишкян попытался вернуть старый долг – пришел к обреченному другу в больницу, повторил эту удивительную фразу: «Мою силу – тебе». Не получилось. Не смог помочь.

Вспоминает сутолоку на железнодорожном вокзале перед отъездом из Хельсинки. Ищет в толпе спортсменов знакомую фигуру Арсена Мекокишвили. А вот и он сам – спешит навстречу. «Можешь, Рафаэл, ничего не говорить. Мы с тобой возвращаемся в первом вагоне. Заслуженными мастерами спорта». И засмеялся, вспомнив свой прогноз.

Самым необычным соревнованием в своей спортивной карьере Рафаэл считает чемпионат мира 1958 года, когда его (чемпиона мира 1954 и 1955 гг.!) в очередной раз не включили в основной состав сборной команды страны. Исходя из каких-то своих, неведомых ему целей, руководство Федерации тяжелой атлетики и Спорткомитета СССР, как и два года назад на Олимпийских играх в Мельбурне, вместо Чимишкяна поставили в «основу» Евгения Минаева из Московской области, который снова проиграл Исааку Бергеру, полулегковесу из США. Самым обидным было то, что на родине, в Грузии, по радио его неучастие в чемпионате мира объяснили болезнью. Но это было ложью. Чимишкян был абсолютно здоров. И с блеском доказал это на следующий день после чемпионата, когда шах Ирана Реза Пехлеви, большой поклонник тяжелой атлетики, распорядился устроить вечер рекордов. Во дворце спорта, специально построенном для этого чемпионата. В том соревновании Рафаэл установил

два мировых рекорда – в рывке и толчке. Особенно впечатляющим был его рекорд в толчке – 145 килограммов, что на два килограмма превышало прежнее высшее мировое достижение. Сам шах стоя аплодировал успеху выдающегося спортсмена.

За восемь лет в большом спорте Чимишкян истер ладони о сопротивляющийся металл. За одну тренировку поднимал 20-25 тонн. Попробуем представить на штанге такой гигантский вес. Попробовал я вместе с олимпийским чемпионом и долго мы проверяем друг друга. Получилось что-то за три тысячи тонн. Вспомнились увиденные по телевизору чемпионаты самых сильных людей планеты: могучих светловолосых великанов – шведов, финнов, американцев, канадцев, передвигающих, напрягая жилы, автобус. А тут не автобус – товарный железнодорожный состав.

Такова дорогая цена побед Рафаэла Чимишкяна – олимпийского чемпиона, двукратного чемпиона мира, шестикратного – Европы, десятикратного – Советского Союза, победителя третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Берлин, 1951), судьи международной категории, четырнадцатикратного рекордсмена мира, признанного лучшим штангистом Грузии XX века.

«Вы остаетесь моей путеводной звездой», – написал ему из Греции Кахи Кахиашвили, трехкратный олимпийский чемпион.

Свет этой звезды с годами не меркнет. Заслуженный работник физической культуры и спорта Грузии, кавалер орденов Знак Почета, Вахтанга Горгасали 2-й степени, Чести, Национального олимпийского комитета Грузии остается скромным и отзывчивым человеком, каким его все знают и любят.

И что удивляет – он не устал от железной игры, по-прежнему не расстается со штангой, она под рукой, рядом, и ей, как и хозяину, не тесно в трехкомнатной квартире, где Рафаэл Аркадьевич и Мария Суреновна вырастили четырех дочерей и внуков. Правда, некоторые живут не близко – в Москве и даже в Будапеште, но помнят завещанное Гиппократом и любимое штангистом-чемпионом: «Принимай чужую боль, как собственную». Эти золотые слова не грех помнить не только врачам. А их много. Только в семье Чимишкяна пятеро: три дочери и два зятя.

Живет чемпион скромно (хотя бы одна из этих медалей действительно была золотой!). А он не расстается с улыбкой и не всегда поймешь, когда говорит всерьез или шутит. «Лучше быть здоровым нищим, чем больным царем», – говорит мне и легонько толкает седой головой в плечо. Я держу удар и думаю, действительно ли это сказано Сократом и были ли нищие в древних Афинах.

Все-таки удивительный он человек, состоящий в родстве с основателем армянского театра в Тбилиси Геворком Чимишкяном и в более дальнем – с византийским императором Иоанном Цимисхом, прозванным так за небольшой рост, с туфельку. Именно так это слово переводится с армянского. И долго мы оба вспоминаем свои армянские и грузинские корни, тесно сплетенные. И думаю я, как поднять на руки этот материал, удержать на узком помосте журнальной страницы. Наконец, толкаю на грудь, как стакан доброго грузинского вина, и говорю хозяину дома: «Мравалжамиер, Рафаэл Чимишкян!»

АРСЕН ЕРЕМЯН

Сильная с детства

Я давно знакома с Валентиной или, как ее чаще называют, Лялей Баланчивадзе. Но недавно она раскрылась для меня с совершенно неожиданной стороны – как отец, актриса. Это произошло на вечере, посвященном Александру Сергеевичу Пушкину, – он состоялся в Посольстве Российской Федерации в Грузии. Эмоциональная Ляля Баланчивадзе полностью завладела вниманием аудитории. А ведь рассказывала она о том, что было всем хорошо знакомо, читала стихи, любимые многими с детства. Позднее призналась, что пробовала себя в юности на драматической сцене.

С ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬЮ ТЕЛЬЦА

Излишне, наверное, представлять Валентину Сергеевну Баланчивадзе, ректора Детской интеллектуальной академии «Мир искусства – детям». Ее особая методика преподавания, воспитания юных душ уже в течение многих лет пользуется большой популярностью... К этому Ляля шла долгие годы. От природы наделенная сильным характером и целеустремленностью (по гороскопу – Телец!), она с детства проявляла эти качества. А детство у Валентины Сергеевны было довольно тяжелым – оно пришлось на послевоенные годы... Жизненные испытания закалили девочку, заставили ее рано повзрослеть...

- Вообще я человек очень собранный – вероятно, дает о себе знать немецкая кровь: со стороны папы мой дедушка – граф австрийский, Карл Август Эстерхази, со стороны мамы тоже были немцы. Детство вспоминаю как годы выживания. Игрушек, кукол у меня не было. Я сама шила себе куклы, - вспоминает Валентина Сергеевна. – Когда повзрослела и должна была однажды пойти на вечер в школу, то решила сшить себе из каких-то тряпок наряд. Он у меня не получился, и я не пошла на вечер – мне просто нечего было надеть. А для меня это всегда было очень важный момент – как я выгляжу. Впервые мне сшили платье – оно было из штапеля – к выпускному вечеру. В нем я и появилась впервые в Грузии... Мы воспитывались в разрушенной послевоенной Украине. Голодали, ели вместо хлеба макуху – жмых семян масличных растений. Тем не менее с детства я была крепкая, сильная, стремилась быть хозяйкой в доме. К тому же мы – нас было трое детей, росли без папы – он погиб на войне... Жизнь научила меня тому, что человек сам хозяин своей судьбы.

В 1953 году семья переехала в Тбилиси: мама вышла замуж. С тех пор вся жизнь Валентины Сергеевны связана с Грузией.

Будучи еще совсем юной Ляля все время что-то организовывала, ставила спектакли, вечера, чувствовала в себе педагогический дар. Однако к педагогике пришла не сразу – через музыку. Обладая приятным голосом, стала заниматься в музыкальном училище - на вокальном отделении. Причем не зная поначалу ни одной ноты... Сегодня Валентина Баланчивадзе с улыбкой вспоминает свое дирижирование в те годы – словно она мух отгоняет... Столько было на уро-

ках смеху! Но способная и упорная девочка быстро постигала азы нотной грамоты, приобщалась к тайнам музыкального искусства... Позднее она поняла, что вокал – не ее призвание. Поэтому после училища поступила в третий класс музыкальной школы – училась игре на фортепиано. Преодолевала программу двух-трех классов за год. Готовясь к поступлению в консерваторию, занималась по девять часов день! В тот период, будучи замужем за Амираном Баланчивадзе, сыном известного грузинского композитора, она была беременна, но и это не стало препятствием для целеустремленной молодой женщины...

Амиран был очень интеллигентным человеком, я любила его, любила всю жизнь, но... через восемь лет наш брак распался. Увы, Амиран рано ушел из жизни, вспоминает Валентина Сергеевна.

Но это произошло спустя годы, а тогда Ляля, готовившаяся стать матерью, блестяще сдает экзамены в консерваторию и через несколько лет с таким же блеском ее заканчивает. Особенно дорого Ляле Баланчивадзе доброе отношение Сулхана Цинцадзе, с первых шагов поддерживавшего начинающего музыковеда. Впрочем, юная Ляля как профессионал созрела очень рано – начала преподавать в 10-й музыкальной школе, еще занимаясь в училище...

Нельзя сказать, что все в жизни Валентины Сер-

Посол Российской Федерации в Грузии В.Коваленко и В.Баланчивадзе

геевны складывалось легко и просто. Известно, что яркий талант, энтузиазм, инициативность часто вызывают зависть окружающих. Ляля Баланчивадзе не раз сталкивалась с таким проявлением человеческой природы. Это и стало причиной того, что она, ведущий преподаватель, заслуженный педагог Грузии, вынуждена была через 33 (!) года уйти из 10-й школы...

- Это было довольно болезненно, ведь эта школа – мой родной дом на всю жизнь... А потом я некоторое время работала в 23-й музыкальной школе.

АКАДЕМИЯ – ОСУЩЕСТВИВШАЯСЯ МЕЧТА

- В трудные 90-е годы, когда многие семьи вынуждены были жить в тяжелых социально-экономических условиях, наблюдалось брожение умов, в обществе царил страшная бездуховность. Нас бросили в океан жизни и сказали: как хотите, так и выплывайте. И мы

все вместе барахтались! В Грузии был незаслуженно забыт русский язык – это большая ошибка, и Грузия в конце концов осознает ее. Многие грузинские дети сегодня ни слова не знают по-русски, а ведь наш ближайший сосед – Россия... Почему я создала Академию? Началось с того, что я вышла во двор, хотела ребятам раздать конфеты, обратилась к ним и спросила: как вас зовут, никто из них по-русски мне ни слова не смог ответить. И я решила, что нужно детям передать то, что знаю. Так, в эти непростые годы мне и пришла мысль о создании школы. Я не знала, во что это выльется. Все строилось на чистом энтузиазме, никаких денег не было... Сначала в моей академии учились всего 20 человек. Помню, как о ней рассказало впервые телевидение... Я очень благодарна Марку Рывкину и Нелли Гургенидзе.

«Музыковед Ляля Баланчивадзе организовала в собственном доме мини-академию, где за символическую плату учит детей русскому языку и знакомит их с мировой культурой. Говорят, одной из ее учениц была даже племянница грузинского президента. Такое дело - молва.

Важно, что дети, учащиеся грузинских школ, показывают не только свои познания в разных областях человеческой мысли, но и владение русским языком. По словам Ляли Баланчивадзе, «ребятишки постигают огромный мир через русский язык». И, конечно, в первую очередь – русскую литературу, историю, изобразительное искусство, музыку. Детскую интеллектуальную академию уже много лет поддерживает Посольство России в Грузии» - читаем в одной из публикаций.

Однажды я присутствовала на открытом уроке Ляли Баланчивадзе. Был приглашен и экс-посол Италии в Грузии Фабрицио Романо. Грузинские дети продемонстрировали на уроке эрудицию в области итальянской культуры и знание русского языка. Так, на вечере произошел диалог культур, а по его окончании итальянским дипломатам были вручены томики русских классиков.

- В моей академии 200 детей, от пяти лет и старше, - рассказывает Ляля Баланчивадзе. – Взять на себя эту ношу и работать – значит, очень любить свое дело, отдать ему душу, сердце, физические силы. Потому что здесь действительно нужна огромная самоотдача. Причем в моей методике преподавания – как правило, сочетание кнута и пряника. Я очень строга и требовательна к ученикам во время урока, а вне занятий могу быть другой – шутить, рассказывать анекдоты. С самого начала учу ребят русскому языку на стихах, чтобы выработать у них правильное произношение. Они читают Марину Цветаеву, Анну Ахматову, Данте Алигьери, Франческо Петрарку... Дети приходят ко мне на занятия с радостью. Представьте себе, они знают всю мировую живопись, всех художников, разбираются в разных стилях!.. И только ли это?

«Тетя Ляля, как называют ее дети, в девичестве Валентина Сергеевна Крайняя, на вопрос, зачем учить русский язык в стране, где знание «великого и могучего» стремительно сокращается, развела руками: знаете, моя родина – Украина, а Грузия – это моя судьба» - читаю в одном из материалов о В. Баланчивадзе.

- Валентина Сергеевна, а в чем все-таки суть вашего метода?

- Повторение, повторение, повторение! Чтобы дети помнили все, чему мы их учим, всю оставшуюся жизнь. Необходимо работать эмоционально, добросовестно, с душой, быть влюбленным в свою профессию, контролировать во время занятий каждое сказанное слово, задавать себе вопрос: а что ты сделала за эти полтора часа, пока длился урок?

Конечно, ничто не рождается на пустом месте. Первые опыты просвещения юных душ Ляля осуществляла еще в Мексике, куда она отправилась вместе со своим вторым мужем, известным скрипачом Арчилом Кацарава. Валентину Сергеевну приняли на работу в посольство. При нем она создала школу, ансамбль «Мзиури», устраивала концерты, открытые уроки. Так что Академия стала закономерным продолжением ее прежней деятельности во благо культуры и просвещения.

Еще одно несомненное жизненное достижение Валентины Сергеевны – это ее дочь, пианистка Лела Кацарава. Ляля Баланчивадзе много вложила сил в ее воспитание и музыкальное образование.

- Уже в восемь лет она играла в Москве на Декаде грузинского искусства, где присутствовал сам Отар Тактакишвили. Как только мы вернулись в Тбилиси, буквально через несколько дней, нам позвонили от Отара. Как выяснилось, Элисо Вирсаладзе заболела, Баха некому было играть, и предложили выступить Леле. Так, моя дочь поехала в Сухуми и приняла участие в правительственном концерте вместе с камерным оркестром. Я отдала Лелу очень известному педагогу Мери Чавчанидзе. Она рождала, творила замечательных музыкантов, у нее был класс лауреатов! Я ничего не жалела для хорошего образования дочери... А сейчас она аккомпаниатор Парижской консерватории, получила гражданство Франции. Я гостила у дочери в Париже и поняла, что мое место в Грузии. Счастлива, потому что здесь я востребована. Посмотрите, сколько у меня учеников! Они умники и умницы, ходячие энциклопедии, они знают всю мировую культуру, историю! Никогда и нигде я не смогу жить – только в Грузии. Я обласкана этой страной. Где бы я ни была, всюду встречаю хорошее, доброе отношение. Много лет чувствую поддержку российского посольства. Помню, как вместе с послом Владимиром Земским мы оказывали помощь детям, оказавшимся на улице. Не забуду, как глава российского дипломатического представительства Феликс Станевский сказал мне однажды, побывав на моем открытом уроке: «Вы не зря живете на этом свете!» Благодаря ему я поехала в Михайловское. Когда я узнала о приглашении, то сначала даже не осознала, куда еду, и переживала: «Как же я брошу детей?» Однако мои впечатления превзошли все ожидания. Если бы я прожила в Михайловском подольше, то, возможно, начала бы писать стихи. Такая изумительная природа, глянцевые, словно застывшие озера, Лукоморье! Я выступила там на вечеру и произвела впечатление на аудиторию...

- Валентина Сергеевна, вы, как мне кажется, очень счастливый человек.

- Конечно, я счастливый человек, потому что занята в жизни делом, которое мне близко. Это очень важно – найти себя: я нашла себя в педагогике. Я не зря прожила жизнь. Низкий поклон этой стране. Я счастливый человек и потому, что познала настоящую любовь...

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ПОЮЩИЙ О ЛЮБВИ

Арчил Мепаридзе

«Петь я любил с раннего детства, — признается известный певец Арчил Мепаридзе, — но никогда не думал, что буду петь со сцены. Я окончил музыкальную школу, два года проучился в музучилище. А потом поступил в Воронежский мединститут и уехал. Однажды нас отправили в один из колхозов. Я как-то играл для

себя в пустом зале местного клуба. Когда же закончил петь, в зале раздался голос художественного руководителя ансамбля Володи Бахметьева:

- Молодой человек, вы на каком курсе?
- На первом.
- Вы будете выступать на сегодняшнем вечере.
- Как? А что я буду делать?
- Вы будете петь.

«Я очень удивился тогда. Как видите, пою до сих пор», — улыбается артист.

- Батоно Арчил, как на вас повлияло творчество студенческих лет?

- Студенческие годы сыграли большую роль в моем творчестве. Могу сказать, что я был очень популярен. Об этом говорит множество призов и грамот, полученных нашим ансамблем. Мы принимали участие в конкурсах комсомольской песни, студенческих фестивалях и т.д. Однажды я даже выиграл пианино — очень ценный по тем временам приз. Наш ансамбль завоевал второе место на Всесоюзном конкурсе художественных ансамблей медицинских институтов. Знаете, это были великолепные годы.

- Но на ваше творчество оказал заметное влияние и период вашего пребывания в Риге, не так ли?

- В конце 80-х, сразу после окончания института, меня призвали в армию. За подписью министра обороны СССР пришел приказ, и я, имевший звание лейтенанта медицинской службы, должен был ехать. Меня командировали в Прибалтийский военный округ, в военную часть в Риге. Рижский период оказался очень интересным периодом в моей жизни. Рига — совершенно европейский город со множеством клубов и дискотек. А так как я к тому времени уже пел, меня знали и музыканты. К примеру, замечательная пианистка Илга Бердзиня, с которой я был знаком еще с Тбилисского джаз-фестиваля. В Риге я попал в джаз-квартет, которым руководил Гарри Баш — очень талантливый молодой пианист. Над нами шефствовал маэстро Раймонд Паулс, делал замечания, советовал, что и как исполнять. Там я познакомился со многими потрясающими музыкантами. В первую очередь это Гунар Розенберг — великолепный дирижер и трубач. Бесспорно, мое знакомство со столь талантливыми исполнителями, и участие вместе с ними в различных джаз-фестивалях сыграло решающую роль в моем творчестве.

- Но не будем забывать о вашей непосредственной профессии. Почему вы решили стать врачом?

- Потому что я мечтал стать хирургом. После окончания школы передо мной встал выбор — поступать в медицинский в другом городе или на архитектурный в ГПИ. Так как в Тбилисский медицинский институт поступить без знакомств было практически невозможно, а вундеркиндом я не был, хоть и считался одаренным учеником и окончил физико-математическую школу им. Комарова, я уехал в Воронеж, где успешно поступил на лечебный факультет. В моей медицинской практике много разных случаев. Кроме всего, несколько лет я проработал хирургом в республиканской тюремной больнице. Сейчас, пролистывая свою жизнь, я прихожу к выводу, что люблю больного. Это чисто медицинский термин, который означает сопереживать и хотеть помочь больному не по долгу, а от всей души. Даже сейчас ко мне обращаются за советом мои друзья. Ну, а я в свою очередь с удовольствием могу посоветовать

лекарство или врача, к которому нужно обратиться.

- За вашу плодотворную деятельность вам вручен орден Чести. Расскажите об этом, пожалуйста.

- Представьте – военные годы, разруха, холод и нищета. Я руководил чрезвычайным штабом при Министерстве здравоохранения. Во всем министерстве осталось пять человек. Это наша команда во главе с министром Автандилом Джорбенадзе, а также Резо Антадзе, Мамука Чивчиури, Давид Хабеишвили и я. В

С Лаймой Вайкуле

мои обязанности входило перераспределение раненых солдат в разные клиники, а также отправка еды, медикаментов и гуманитарной помощи в горячие точки. Мы получали информацию по военной радиации из разных уголков Абхазии, (о телефонной связи не могло быть и речи) о количестве убитых и раненых. Министерства внутренних дел и безопасности получали от нас эти сводки. Мы по две недели не выходили из комнат, буквально жили в здании Минздрава, жарили хлеб на керосинке, чтобы как-то продержаться. Сколько раз нам приставляли дуло к виску с вопросом – «Где мой брат?» или «Где мой сын?». Мы прошли сквозь сущий ад, хотя сейчас легко об этом рассказывать.

- Вы на сегодня звезда первой величины на эстраде. Как вы относитесь к популярности?

- Популярность имеет две стороны – положительную и отрицательную. Не стану кривить душой – положительного очень много. Но и отрицательного не меньше. Популярность мешает жить нормальной жизнью, мешает любить. Иногда хочется просто пройтись по улице, раздумывая о чем-нибудь своем. Но увы. Известность не позволяет сделать шаг назад. Сейчас, когда ко мне приходят заниматься вокалом молодые люди, я им говорю, глядя с высоты пройденных лет: «А вы действительно этого хотите? Знайте, что у вас не будет никакой личной жизни, или она будет на виду у всех». Я иногда думаю, что может, пожертвовал бы своей популярностью, чтобы насладиться чистотой и простотой жизни.

- Ваш официальный сайт представлен на трех языках – грузинском, английском и русском, что говорит о множестве поклонников в разных странах.

- Безусловно, у меня много поклонников, в том числе и в России. Когда я там выступаю, то использую сценический псевдоним – Арчи М. Что же до самых памятных событий, связанных с деятельностью в России, то не могу не вспомнить концерт под названием «С любовью из Тбилиси», несколько лет назад организованный Николаем Николаевичем Свентицким. Он прошел в концертном зале «Октябрьский», рассчитанном на 4500 мест и длился более четырех часов. В нем приняли участие Нани Бреговдзе, Вахтанг Кикабидзе, Сосо Павлиашвили и я. Это был концерт-акция, столь необходимая в годы напряженности, вызванной недалеко-видными политиками. А в 1996 году в ГЦКЗ «Россия» состоялся грандиозный концерт, режиссером которого стал я. 41 грузинский исполнитель принял в нем участие, звучали самые различные песни – от романсов до популярной музыки. Мне запомнились отзывы зрителей концерта – очень теплые, дружественные и искренние. За эти годы у меня было много концертов в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Киеве, Донецке. Думаю, быть популярным в России очень дорогого стоит.

- Вас связывают дружеские отношения со многими звездами российской эстрады.

- К счастью, у меня много друзей. К примеру, Лайма Вайкуле я знаю еще с Латвии. В те годы она выступала в Юрмале, в знаменитом ночном клубе «Юрас перла». Я был безумно в нее влюблен и не пропустил ни одного ее выступления в течение четырех месяцев подряд, за исключением дней, когда дежурил в госпитале. Я также выступал с Катей Лель, Валерием Леонтьевым, Алсу, Владом Стасьевским, Анитой Цой, группами «Руки вверх» и «Премьер-министр». Хорошо знаком с Филиппом Киркоровым, Ириной Понаровской, Ларисой Долиной. Не говоря о грузинских исполнителях – Тамрико Гвердцители, Ираклии Пирхцалава, Теоне Контридзе.

- После какой песни к вам пришла известность?

- В 1999 году я спел песню «Митхари», в русском варианте «Позови». Она стала первым настоящим хитом и принесла мне известность. Было снято два клипа на эту песню, точнее, клип был один, но озвучивали мы ее на русском и грузинском. Ее долгое время передавали многие радиостанции в Москве. За «Митхари» последовали не менее успешные песни и снятые по ним видеоклипы – «Ну цахвал» («Не уходи»), «Джадоснури калаки» («Заколдованный город»), «Уцхо калакши» («В чужом городе»). Последняя особенно примечательна, потому что посвящена памяти воинов, погибших во Второй мировой войне, и в этом акции-клипе приняла участие всеми любимые артисты, за что им еще раз огромное спасибо.

- Каковы ваши творческие планы?

- В скором времени планируется дуэт с Ларисой Долиной. Мы исполняем известнейшую джазовую композицию «My Mother Told Me». Песню мы будем записывать в Москве, в студии Мананы Тодадзе. После этого я займусь записью своего четвертого сольного альбома. Это будет джаз-альбом на английском и французском языках.

- И напоследок, скажите, пожалуйста, о чем поет Арчил Мепаридзе?

- Я пою о любви, так как предназначение человека – любить во всеобъемлющем значении этого слова.

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

НАШ ВЕЛИКАН РОБЕРТС КУПЦИС

В современную эпоху глобализации, когда люди, товары и капиталы передвигаются по планете, не зная границ, трудно представить, что совсем недавно, всего сто лет назад, каждый иностранец был явлением, местная публика за ним наблюдала, не доверяла, даже подозревала. Чтобы иностранец завоевал авторитет, он должен был работать больше и лучше, чем местное население, он должен был быть более образованным. И очень терпеливым и внимательным к местным традициям.

Всему этому соответствовал латыш Робертс Купцис, который в 1908 году по приказу российского императора был прислан в Грузию для изучения минеральных вод.

Латышское общество Грузии «Ave Sol!» внимательно изучает жизнь и работу этого великого человека. В ноябре готовимся провести конференцию, посвященную Р.Купцису и хотели бы привлечь внимание общественности к этой незаурядной личности. Он оставил после себя научные труды, которые не потеряли своей значимости и сегодня.

Семья Купцисов происходит из Лифляндской губернии Латвии. Робертс родился в 1881 году недалеко от города Вольмар (ныне это город Валмиера в Латвии). Его отец Давис Купцис был крестьянином. Давис – имя не совсем привычное для русского слуха и поэтому отчество Робертса менялось, он был Дависовичем, Давидовичем, а то и Давичем, последнее встречается как ласковое обращение в частных письмах.

Старший брат Иван Купцис учился в Юрьеве на провизора-фармацевта, и поэтому Робертса после окончания начальной школы отдали в аптеку учиться на помощника аптекаря. Это определило его жизненный путь, он уже не расставался с аптекой, фармацевтикой и химией. В 1901-1902 годах Робертс Купцис учится в Юрьевском университете и заканчивает его с дипломом аптекарского помощника. Но в аптеках он проработал недолго. Он участник русско-японской войны 1904-1905 гг., аптекарь-фармацевт в военном

госпитале русской армии в Манчжурии.

На войне Р.Купцис познакомился со своей будущей женой – сестрой милосердия голландкой Софией Геркен, которая по отцу была русской дворянкой из Казани. Родителям Софии наш земляк показался не очень желанным женихом, в силу его крестьянского происхождения. Но жених оказался очень целеустремленным. Он поступает в Казанский университет, чтобы получить высшее образование и быть финансово независимым, способным содержать семью.

В 1908 году Купцис заканчивает Казанский университет с дипломом провизора. В послужном списке о службе Робертса Давидовича Купцис читаем: «Советом Императорского Казанского Университета утвержден в степени провизора с отличием 30 мая 1908 г., в чем выдано свидетельство от 30 июня 1908 года за № 1313/1724». Это убедило родителей его возлюбленной. После венчания молодожены отправляются в Грузию.

Следующая запись в послужном списке Р.Купциса: «Приказом по Управлению Наместника его Императорского Величества на Кавказе от 28 августа 1908 г. за № 169 определен на службу со дня приказа с назначением исполняющим должность эксперта для

Во время экспедиции

химико-микроскопических исследований при Управлении медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе». Отныне жизнь и работа Робертса Купциса будет связана с Грузией. Скончался он в 1954 году и похоронен на кладбище Кукия.

О нашем великом соотечественнике мы узнали от его внука, Игоря Парастаева, который пришел к нам в начале прошлого года. В семье сохранили множество фотографий, книг с публикациями статей Р.Купциса, гербарий, им собранный, цейсовский микроскоп и др.

Когда член нашего общества Нона Габилая начала искать материалы о Робертсе Купцисе в государственном архиве, библиотеках, в Институте курортологии, то обнаружила, что мы идем по чьим-то следам, кто-то еще занимается темой нашего земляка. Это профессор Грузинского технического института Резо Схиладзе, который пишет историю грузинской фармацевтики. От него мы узнали много интересного о латышах...

Оказывается, Робертс Купцис – не единственный латыш-фармацевт в Грузии. В Грузии в 1901-1921 гг. работал Иван Купцис – старший брат Робертса. И что интересно, в семье Игоря Парастаева об этом никогда не говорили, не сохранилось и фотографий, на которых братья были бы вместе. Но они же с 1908 по 1921 год жили в одном городе и занимались одной наукой!

Этот факт и у меня вызвал интерес. Я постаралась

Семейный портрет с сыном Георгием

выяснить, что знают об этих людях в Латвии. Оказывается, в Латвии Иван Купцис прожил до 1936 года и сделал блестящую карьеру, преподавая в Латвийском университете и исследуя минеральные воды Латвии. Его имя занесено в Медицинскую энциклопедию, статья о нем в Малой энциклопедии Латвии, его помнят в Медицинском университете им. П.Страдиня. Но никто не слышал о Робертсе Купцисе!

Мы посчитали своим долгом вернуть Латвии имя такого великого человека как Робертс Купцис. Он столько

Парадный портрет Робертса Купциса, 1914

работал, столько написал научных статей, стал незаменимым экспертом в судебно-медицинской экспертизе. Автор методики анализа крови, которая вошла в учебники как метод Купциса. Робертс Купцис, работая руководителем химико-микроскопической лаборатории, которая в зависимости от ведомственной принадлежности, меняла наименование и, в конце концов, стала Лабораторией Купциса. Им выполнен полный анализ воды из 1 000 источников, 800 из них впервые.

Р.Купцис способствовал массовому открытию курортных мест Грузии, доказав лечебные свойства минеральных вод и лечебных грязей.

Он автор около семидесяти научных статей и книг, а когда лаборатория перешла в ведомственное управление Министерства юстиции и стала выполнять исключительно судебно-медицинские анализы, в открытой публичной печати Р.Купцис исчезает как автор. По словам профессора Р.Схиладзе, уже эти анализы каждый по себе являются научным трудом. Но они используются только в ведомственных интересах.

Авторитет Робертса Купциса как химика-аналитика был безупречен, нет ни одной книги о грузинских минеральных водах, где не было бы ссылки на его

Лагерь

анализы, нет ни одной книги о грузинских курортах, где не упоминается первый аналитик этих вод. Нам было очень приятно увидеть, что на интернет-странице фирмы Набеглави есть запись о том, что первый анализ этой воды был произведен в 1926 году Робертсом Купцисом.

Перечень опубликованных Р.Купцисом работ, уже одни названия говорят, что он побывал везде. Цхалтубские акватормы (1913), минеральные воды Шови (1924), Коби (1925), Рачи (1920), анализ

На привале

Семья Роберта Купциса

боржомских вод (1923), минеральные воды и лечебные грязи Гали (1930), Ахтала, курорт Менджи, Абастуманские термы, минеральные воды Аджарии, Малтаква, Цихисджвари, питьевые воды Абастумани, Кобулет, Анаклия, минеральные воды Гуджаретского ущелья, Харагаульского района и т.д.

Поскольку в архиве документов семьи мы обнаружили приказ о командировке Роберта Купциса на исследования в Цхалтубо, то решили использовать дотацию, полученную от министерства общественной интеграции Латвии, чтобы пройтись по следам Купци-

са. 20-21 июля 2007 года четверо авесольцев выехали в Цхалтубо и Саирме.

Приказ звучал так: «По распоряжению Наместника ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе, Управление медицинскою частью командирует Вас для исследования Цхалтубских вод в Кутаисской губернии, а посему предлагает Вашему Высокоблагородию немедленно выехать в вышеназванную командировку. Об исполнении донести». Приказ датирован апрелем 1913 года. Робертс Давидович в командировку отбыл и донесил обстоятельно и долго.

Из почти семидесяти его научных работ три статьи и одна книга посвящены минеральным водам, питьевым водам и лечебным грязям Цхалтубо. Р.Купцис открыл радиоактивность вод Цхалтубо и после его научных экспертиз воды этих мест начали называться родоновыми, а бальнеологический курорт – родоновым.

Мы только можем предполагать, как передвигался наш герой по горным тропам Кавказа на лошадях, он ведь был очень большого роста, это хорошо видно на всех фотографиях.

Химик-аналитик мог составить анализы тех вод, о которых шла народная слава, о которых узнавали люди методом проб и ошибок, и таким методом были признаны лечебными. С 1913 года исследования цхалтубских вод принимают регулярный характер, в них участвуют врачи, ведущие наблюдения за результатами применения вод и лечебных грязей, разрабатывают методику лечения. Как мы поняли из бесед с лечащими врачами некоторых бальнеологических санаториев Цхалтубо, самодеятельность в лечении минеральными водами и лечебными грязями – дело рискованное.

В книге выдающегося исследователя цхалтубских вод и грязей, врача Отари Шавианидзе, он скончался совсем недавно, утверждает, что еще в XII веке было известно о лечебных свойствах этих вод и в Гелатской академии найдена грамота, которая это подтверждает.

К началу систематического, комплексного и научного анализа цхалтубских вод причастен и Робертс Купцис. Однако истинный размах эти исследования получили в 1927 году, когда было создано курортное управление.

В годы советской власти курорт Цхалтубо был союзного подчинения, и мы видели монументальные, классические здания санатория Военно-Морского флота, дворцы, ранее принадлежавшие профсоюзам, они впечатляют. Можно представить, какая там мебель, какая посуда и т.д. А парки! Эта особая красота климатической зоны позволяет сказать, что пребывание в этих местах – это терапия красотой и климатом. Мы очень гордимся тем фактом, что Робертс Купцис приложил свою руку к созданию такого чуда.

Но это чудо едва живое! На встрече с мэром города Цхалтубо Мамукой Тевзадзе мы узнали, что работает только один санаторий, который работает четыре месяца в году и одновременно может принять не более 120 человек, это «Оазис».

В недалеком прошлом Цхалтубо работал круглогодично и одновременно принимал до 30 тысяч человек.

Вот куда можно и надо привлекать инвестиции!

Правда, по мнению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), курортное лечение считается самым дорогим видом лечения. Но не у нас, где минеральная вода самое большое богатство недр.

Вот цитата из статьи Роберта Купциса, опубликованной в журнале «Советская медицина» № 3 за 1930 год. «По обилию минеральных вод Имеретия является самой богатой местностью не только в Грузии, но во всем Советском Союзе. Всего насчитывается здесь около 100 минеральных источников разной мощности. В сутки на каждого человека в Имеретии в среднем приходится почти 90 литров минеральной воды.

Вряд ли где-либо еще на земном шаре народ имеет такой богатейший дар природы.

Многие из имеретинских источников уже ныне известны своей целебностью далеко за пределами Грузии и многим из них, как например, Цхалтубо, Нуниси, Саирме... предстоит славная и богатая будущность.

В Имерети до советской власти было исследовано всего 14 минеральных источников. После же советизации исследованию подвергнуто 65 разных источников. (Некоторые из Цхалтубских источников за последние годы исследованы по три раза.)»

Цхалтубо достиг вершины своей славы еще при жизни самого Р.Купциса, последние годы своей жизни он многократно был пациентом этого курорта, об этом свидетельствуют фотографии из семейного альбома (1951, 1954).

Продолжая нашу экспедицию, мы поехали – Цхалтубо, Кутаиси, Дими, Багдати и конечная цель Саирме. Нам показалось, что это очень обжитый и цивилизованный край. Но недолго мы так думали. Дорога в Саирме нас насторожила. Возможно, когда-то там были дороги, но сейчас это крутые виражи без дорожных знаков, и по ним ездят машины.

Но компенсирует все это красота, мы заехали в ущелье, которое надо видеть, даже если не надеяться на десять источников минеральных вод Саирме. Все горы выше нас! Красота фантастическая, а внизу в ущелье шумит речка Ханисцхали...

Наши усилия были вознаграждены радушием, с которым нас принимали в Саирме энтузиасты и патриоты этих мест Котэ Энделадзе, Гоги Чхеидзе, Кетино Чхаидзе, Амиран Курашвили. Они не потеряли надежды на оживление этих источников и всего района. Совсем недалеко Красная поляна и Абастумани. Какой простор для предпринимательства по всей программе!

Правда, наши хозяева нас сразу предупредили, что самодеятельность опасна. В основном в Саирме лечат почечные заболевания и кишечно-желудочные заболевания. А народ валит толпами и пьет все подряд. Но не только пьет, но и собирает в огромные сосуды, хотя везде висят таблички, что воду не надо набирать и ее нельзя ставить в холодильник. Та вода, которую разливают в бутылки – это результат купажа и фильтрации, она более стабильна по своим свойствам, чем взятая непосредственно из источника.

Сейчас научные исследования и наблюдения не ведутся, статистический материал отсутствует. Работает несколько санаториев, и то на треть своих возможностей. И это, к сожалению не дворцы, которые

мы совсем недавно видели в Цхалтубо. Но приехав сюда, надо оставаться, два раза эту дорогу осияют только герои. Следовательно, мы в полную меру оценили энтузиазм химиков-аналитиков, которые сюда приезжали почти сто лет назад. Тропинки для лошадей и осликов и наш великан Робертс Купцис!

Саирме в ожидании новых героев. Простор есть... Как богата грузинская земля! Сколько она хранит и производит минеральных и питьевых вод. Лечит все и всех! Робертс Купцис несколько позже написал: «... вся Грузия курорт».

Благодаря своей исключительной работоспособности и огромному чувству ответственности Р.Купцис стал авторитетным экспертом, это его спасло в 1937 году, потому, что был незаменимым... Но несчастий он пережил много. В 1924 году в возрасте 17 лет умер его старший сын Георгий. В начале Второй мировой войны погиб его младший сын Андрей, он ушел добровольцем защищать Ленинград. Сегодня его дочь, Ирина Купцис, которая единственная сохранила фамилию отца и деда, живет в Санкт-Петербурге.

Подтверждением высокого авторитета Роберта Купциса можно считать и тот факт, что в 1944 году

Информационная конференция латышского общества Грузии

Ученый совет Тбилисского университета присудил ему ученую степень кандидата химических наук без защиты. Не обижен он был и орденами и медалями.

Грузия не перестала быть страной курортов. Надо вернуться на сто лет назад и начать заново изучать земные богатства. Их использование может стать стратегически важной отраслью, определяющей специализацию страны в мировом хозяйстве. Глобализация совсем не означает, что не надо беречь свое богатство. Минеральные воды Грузии могут дать большое количество рабочих мест, большое количество и разнообразие товарной продукции, могут привлечь богатых и не очень людей, нуждающихся в курортном лечении. Потенциал огромный!

РЕГИНА ЯКОБИДЗЕ

Председатель латышского общества Грузии «Ave Sol!» Почетный консул Латвии в Грузии

Сплав творчества с грузинским темпераментом

Бальзак сравнил Киев с Римом, хотя столица Украины по-своему величественна, и взлеты и падения, и измены и возрождения у нее свои. Здесь на каждом шагу встречаются прекрасные произведения искусства, и у некоторых из них непростая история.

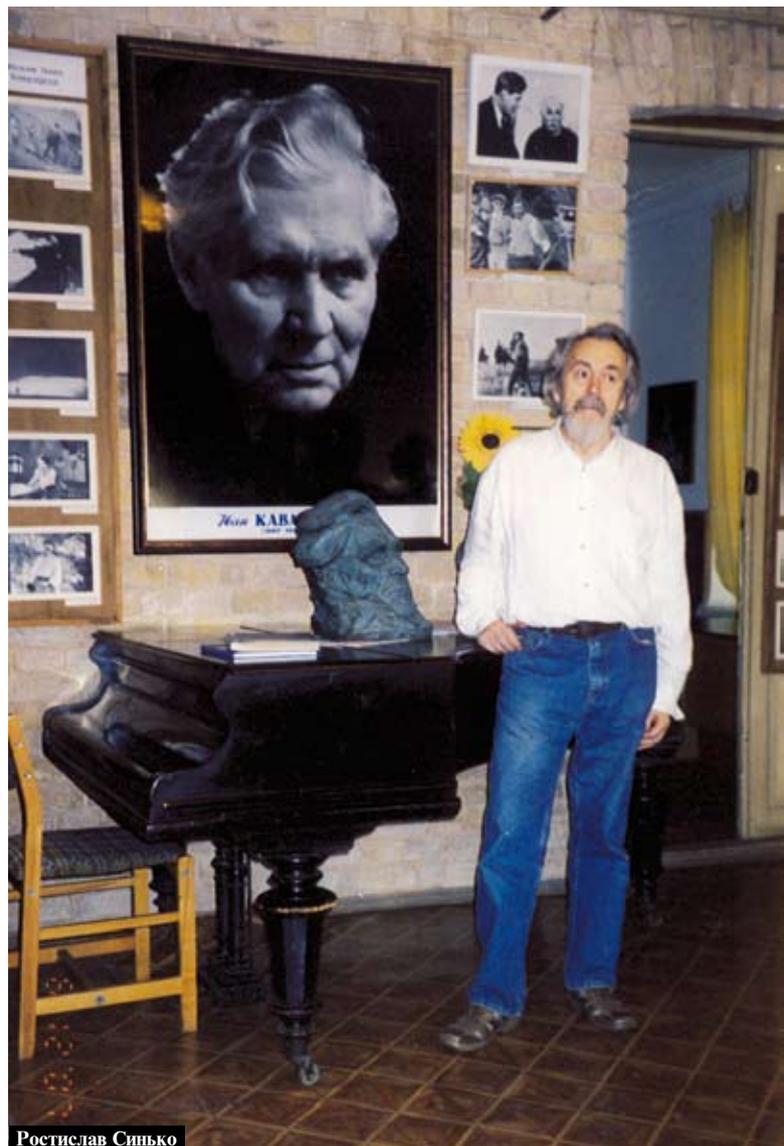
В самом центре Киева перед зданиями Министерства иностранных дел Украины и Дипломатической академией стоит известный памятник княгине Ольге. По традиции сюда приходят новобрачные. Автор памятника - скульптор, режиссер, сценарист, народный артист Украины Иван Петрович Кавалеридзе, хотя в Грузии о нем мало что известно.

СПРАВКА

Кавалеридзе Иван Петрович (1887-1978) – скульптор, режиссер, драматург, сценарист. Народный артист Украины (1964). В 1911-1915 гг. художник и скульптор в кино, работал с ведущими режиссерами и сценаристами русского кинематографа Яковом Протазановым и Владимиром Гардиным над фильмами «Как хороши, как свежи были розы», «Уход великого старца», «Ключи счастья», «Крейцера соната», «Война и мир» и др. По собственным сценариям поставил фильмы, посвященные борьбе русского и украинского народов с иноземными захватчиками: «Ливень» (1929), «Перекоп» (1930), «Штурмовые ночи» (1931), «Колиивщина» (1933), «Прометей» (1935). Экранизовал оперы «Наталка-Полтавка» (1936) и «Запорожец за Дунаем» (1938).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА

В 1910 году, в Киеве было решено создать символы исторического пути. Между двумя величественными соборами – Михайловским и Софийским - вдоль аллеи намеревались установить памятники выдающимся деятелям российской истории. В результате удалось поставить памятник княгине Ольге. Его открытие состоялось 4 сентября 1911 года. Это многофигурная композиция высотой восемь метров. Посередине возвышается фигура Ольги. Великая княгиня, вдова великого князя Киевского Игоря, стояла у истоков русской истории, и ее имя связано с величайшими событиями, в частности, с введением христианства на Руси. В правой части ансамбля - фигуры просветите-

Ростислав Силько

лей и создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия. Слева фигура Андрея Первозванного. По преданию он побывал в Киеве и, указав на его холмы рукой, сказал, что «на сих горах воссияет благодать Божья, град велик будет».

Торжества по случаю открытия памятника носили скромный характер. В это время в киевском госпитале умирал премьер-министр П.А. Столыпин, которого 1 сентября 1911 года смертельно ранил эсер-террорист в оперном театре на глазах у публики и царской семьи. Первоначально памятник был из бетона, и это была первая работа Ивана Кавалеридзе. Менялась власть, революция... Фигуру Ольги сбросили с пьедестала, разбили на несколько десятков кусков... Вместо нее скульптор Кратко создал бюст Тараса Шевченко, а фигуры апостола Андрея и просветителей были укрыты фанерой. Со временем она рассыпалась, и бюст Шевченко оказался по соседству с апостолами. В последующие годы композицию исторического памятника полностью разрушили. Незадолго до принятия Украины независимости в Киеве встретились режиссер Станислав Говорухин и историк, автор нескольких книг о Киеве, журналист газеты «Киевский телеграф» Александр Анисимов. «Станислав Сергеевич сказал мне, - рассказывает он корреспонденту «Русского

клуба», - что у него есть две мечты. Одна из них была связана с переносом могилы П.А. Столыпина из Киева на его родину – в Саратов, а другая – мечта связана с восстановлением памятника княгине Ольге. Первой идее не суждено было сбыться – Столыпин завещал похоронить его там, где наступит смерть. Идею второго рождения памятника поддержал мэр Киева Леонид Косоковский. Была создана организационная группа во главе с Ростиславом Синько. По его же решению новую фигуру Андрея Первозванного отлили в бронзе в Ленинграде. Потом отправились в Италию, в Тоскану, закупать каррарский мрамор, именно его использовал в своих шедеврах Микеланджело.

В конце концов, памятник восстановили 25 мая 1990 года. Перед этим были проведены раскопки, и мы нашли первоначальную скульптуру Ольги. Дело в том, что в своих мемуарах Иван Кавалеридзе писал, что один из рабочих сообщил ему, что разрушенная фигура находится на территории разрушенного памятника».

Александр Анисимов и Ростислав Синько

Восстановленный памятник

Историк А. Анисимов, лично принимавший участие в восстановлении одного из главных киевских памятников, говорит, что все скульпторы, которые работали над памятником, рано ушли из жизни. Второе открытие памятника состоялось уже в 1996 году.

«Несмотря на то, что было уничтожено немало произведений И. Кавалеридзе, наиболее яркие творения художника и поныне украшают площади и улицы наших городов. О них спорят, отзываются неоднозначно, но все это означает неугасимый интерес к творческому наследию замечательного мастера», - говорит Анисимов.

Генерал царской армии Петр Ладанский, командир Нижегородского полка, в середине 19-го столетия вывез из Грузии несколько семей, сочувствующих Шамилю, в свое имение под Ромны. Там есть небольшое село, в котором проживает две трети населения с грузинскими фамилиями.

Скульптор И. Кавалеридзе родился 14 апреля 1887 года в семье грузинского крестьянина Петра Кавалеридзе и украинской селянки Килины Кухаренко. По окончании трех классов сельской школы перебрался в Киев, где четыре года учился в гимназии Валькера. Позднее он обучался в Киевском художественном училище, в мастерской известного в то время скульптора Федора Балавенского. Кстати, на скульптурное отделение Иван Петрович поступил потому, что плата за учебу там была более приемлемой. «Правоучение – сто рублей! – Я обомлел: А меньше? – Меньше? Скульптурный отдел – десять рублей!», - вспоминал позднее мастер.

В 1909-1910 годах продолжил учебу в Петербургской академии художеств, стажировался в мастерской скульптора Аронсона в Париже.

В 1990 году в Киеве на легендарной улице – Андреевском спуске – была открыта музей-мастерская имени И.Кавалеридзе, директором его стал режиссер, сценарист, скульптор Ростислав Синько. Он про-

Памятник княгине Ольге

водит большую работу по сохранению огромного наследия Кавалеридзе, в частности, в области проектов памятников Ярославу Мудрому, Сковороде, Шевченко... Узнав, что в музей пришла журналист из Грузии, Ростислав Синько сам провел экскурсию, предложил посмотреть известный фильм Кавалеридзе «Проме-

тей» и рассказал много интересного о жизни скульптора. Кстати, Синько приходится родственником мастеру – он супруг племянницы жены Кавалеридзе. «В 1987 году, к 100-летию со дня рождения Кавалеридзе, снимая фильм, я посетил Грузию. Тогда еще были живы актеры Чута Эристави и Шота Нозадзе, которые снимались в его фильмах. У меня остались самые прекрасные воспоминания о Грузии. Необыкновенной была встреча с замечательной женщиной Чута Эристави, которая была тронута до слез нашей встречей. Она участвует и в моей картине».

В ПОИСКАХ КОРНЕЙ

Иван Петрович Кавалеридзе был однажды в Грузии, в 1935 году, во время съемок своего фильма «Прометей». Он долго смотрел на Мтацминду, а затем прослезился. Актер Шота Нозадзе позднее вспоминал, что кто-то спросил режиссера, что значат эти

слезы. «Мне больно, что до сих пор никогда не был в Грузии, что не знаю грузинского языка, но мои слезы означают, что во мне есть грузинская кровь... Меня часто спрашивают о моей родословной. Мой прадед был грузином, а дед даже не знал украинского языка. Говорят, в Грузии нет фамилии Кавалеридзе. Конечно, за последнее столетие наша фамилия претерпела своеобразные изменения... Хотя какое может иметь значение: Кавалеридзе я, Каваладзе или Каварадзе?» - говорил скульптор. И отмечал с сожалением, что даже не знает, от какого уголка Грузии ведет происхождение его род.

Во второй серии «Колиивщины» - «Прометее» снимались грузинские актеры Чута Эристави, Иона Мургулия, Заал Теришвили, Гоги Ломая, Шота Нозадзе. Работая с актерами, Иван Петрович проявлял большой такт и чуткость.

Грузия занимала особое место в его сердце и не случайно в фильм были включены кадры грузинской природы, аджарский танец «Хоруми», музыка Андрея Баланчивадзе. Перед премьерой фильма в Тбилиси, в кинотеатре собрались грузинские режиссеры. Лео Эсакия назвал «Прометей» высокоталантливым, с большим мастерством созданным произведением. Николай Шенгелая во время демонстрации картины не удержался от восторженного восклицания: «Кто этот человек?! Какая великолепная композиция! Он, вероятно, художник или скульптор!» Позже Шенгелая

лично познакомился с Кавалеридзе в Москве, и в дальнейшем их связывала тесная дружба.

Режиссер Константин Пипинашвили, в свое время студент Московского киноинститута рассказывал о случае, характеризующем отношение Сергея Эйзенштейна к творчеству Ивана Кавалеридзе. Зимой 1933 года в Москве Пипинашвили на квартире Эйзенштейна заканчивал переписку мизансцен для его будущей книги о режиссуре. В 11 часов вечера в комнату вошел сияющий Сергей Михайлович и пошутил: «Это просто похоже на нашествие грузин! Там от имени украинской кинематографии появился Иван Кавалеридзе, а здесь в моей собственной квартире не дает мне покоя этот грузин!» Студент знал, что великий режиссер только что вернулся с обсуждения фильма «Колиивщина» и, желая узнать мнение хозяина квартиры бросил реплику: «Разве возможно нашествие столь малого народа?» - «Действительно, все зависит от таланта. Если слияние мудрости украинского писателя и художника дало нам неповторимого поэта киноэкрана в лице Довженко, то фильм Кавалеридзе - талантливый сплав творчества скульптора и художника с грузинским темпераментом... Индивидуальность блестящего мастера бесспорна».

В своей книге Шота Нозадзе подробно описал пребывание Кавалеридзе в Грузии. Его попросили подобрать место для памятника Шота Руставели. Осмотрев каждый уголок города, площади, улицы и сады Тбилиси, высказал мнение, что памятник Руставели должен смотреть на Грузию сверху, его надо возвести пропорционально горным пейзажам, на Мтацминда.

Кавалеридзе живо интересовали творчество и судьба Давида Гурамишвили, и он с увлечением рассказывал о нем, как о предке живущих на хуторе Ладанском грузин. Спустя 30 лет Нозадзе встретился с Кавалеридзе в Киеве. Иван Петрович передал в дар Государственному музею искусств Грузии бюст Федора Шаляпина, вылепленный им еще в 1910 году в Париже, и услышал от самого Федора Ивановича, что как певец он сформировался в Тбилиси.

Кавалеридзе официально был четырежды женат. Его старшей дочери сегодня 94 года. Она живет в Ромнах, где некогда несколько лет жил Кавалеридзе. В городе открыта мемориальная доска знаменитому земляку.

Этим летом я впервые побывала в Ромнах, где встретила немало украинцев, которые с ностальгией вспоминают о Грузии. Этот красивый украинский город встречает гостей ухоженными улицами и парками. Кавалеридзе здесь – одна из знаковых фигур среди его выдающихся земляков.

В издаваемую в ближайшем будущем книгу «Мосты дружбы» на украинском и грузинском языках вошла глава и о Кавалеридзе. Кстати, в 1987 году ЮНЕСКО объявила о праздновании 100-летия со дня рождения Ивана Кавалеридзе, тем самым подчеркнув его вклад в мировую культуру. Как отмечает Ростислав Синько, мастер пленял не только своим творчеством, но и его высокими человеческими качествами: «Каждая встреча с ним оставляла неизгладимое впечатление. Он всегда умел утешить, поднять настроение, рассмешить, начисто был лишен заносчивости, самознания, уважительно относился к людям, коллегам. Иван Петрович оставался молодым духом, неутомимо ищущим, стремящимся к красоте человеком. Таково и его искусство!»

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

Фото из архива И. Кавалеридзе и автора

НУЖНО ПОМНИТЬ, ЧТО ТЫ ЧЕЛОВЕК

В Доме-музее Елены Ахвледзиани была развернута экспозиция, посвященная 120-летию со дня рождения выдающегося художника Василия Ивановича Шухаева. Среди двадцати семи выставленных работ – картины мастера и его друга и коллеги Елены Ахвледзиани.

В.Шухаев. Портрет Нино Нишарадзе.

НЕПОВТОРИМЫЙ КОЛОРИТ ЦИХИСДЖВАРИ

- Эта выставка служит продолжением традиции, сложившейся еще при жизни Елены Дмитриевны: она часто устраивала в своей мастерской выставки своих коллег-художников, - рассказывает автор проекта, искусствовед Нонна Элизбарашвили. – В 1964 и 1969 годах там состоялись выставки В. И. Шухаева...

В Тбилиси начался новый этап творческой биографии художника. Квартира-мастерская Е. Д. Ахвледзиани стала своеобразным клубом, где собиралась культурная элита Тбилиси: актеры, писатели, художники.

Елена Дмитриевна страстно любила музыку и часто устраивала в своей мастерской концерты, приглашая известных музыкантов. На этих музыкальных вечерах выступали Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер, Андрей Баланчивадзе, Элисо Вирсаладзе, Мария Гринберг, Нина Дорлиак. Многие представители этого

блестящего созвездия стали затем моделями шухаевской серии портретов деятелей культуры Грузии...

С 1950-х годов, с легкой руки Елены Дмитриевны, село Цихисджвари стало излюбленным местом отдыха творческой интеллигенции и их гостей из Москвы и Ленинграда. Каждое лето там собирались тбилисские друзья обоих художников – семьи Хучуа, Одишария, так что недостатка в моделях для портретов у Шухаева не было. На выставке представлены два портрета Семена Кирилловича и Екатерины Ильиничны Одишария, а также портреты самой Елены Ахвледзиани...

Для Шухаева и Ахвледзиани село Цихисджвари и его живописные окрестности стали источником работы с натуры. Созданная Шухаевым серия цихисджварских пейзажей разнообразна, как по выбору самих мотивов, так и композиционному и колористическому решению. Это были пейзажи камерные и монумент-

тально-панорамные, сдержанные по своей цветовой гамме, тонко передающей свето-воздушную среду, или плэнерные, в которых цвет приобретает сочность и насыщенность».

«МЫ ОБЯЗАНЫ ЕЙ ЖИЗНЬЮ!»

Своими воспоминаниями поделилась театровед Натела Урушадзе:

- Василий Шухаев был арестован по обвинению в шпионаже и десять лет провел в магаданской ссылке. Арестована была и его жена. У них не было возможности встречаться, но они могли писать друг другу письма. Естественно, письма проверялись. Однажды Василий Шухаев получил от Веры письмо, в котором она писала: «Вася, впопыхах я забыла забрать твою фотографию. Идут годы, и я забываю твое лицо!» Художник ответил: «Вера, ты забыла не только мою фотографию, но и мою профессию». И

Шухаев вместе с супругой приехали в Тбилиси. Вахнянский приютил их в своем разоренном доме. Но что он мог делать с ними дальше – сам вчерашний заключенный? Вахнянский позвонил Елене Ахвледиани: «Эличка, ты же знаешь, кто такой Шухаев?» - «Конечно!» - «Я уже не знаю, что мне с ними делать!» - «Как что делать? Приведи их ко мне!» Так и случилось. Шухаев попал именно туда, куда должен был попасть. Отсюда была дорога в Академию художеств, в которой он в дальнейшем преподавал.

Миновали годы – у Шухаева были уже квартира, мастерская. Его просили вернуться в Россию. Но художник отказался уехать - остался в Тбилиси. Через какое-то время поднялась новая волна репрессий, от которых Шухаева спасла опять же Елена Ахвледиани. Она обратилась к министру госбезопасности Рухадзе. Художница вспоминала, что он очень хорошо ее встретил. Она ему поклонилась и попросила: «По-

Вспоминает Натела Урушадзе

Тамара Одшария

нарисовал свой автопортрет. Разумеется, это письмо попало к начальнику. «Это ты нарисовал?» - «Да!» - «Ты что, художник?» - «Художник!» - «Мую Марютку можешь нарисовать?» - «Могу!» Кто была эта Марютка, до сих пор неизвестно, но ее портрет существует. Портрет той самой Марютки, которая фактически спасла Шухаева. Ведь его вместе с другими выводили на лесоповал, зимой, и художник мог отморозить руки...

В тот период в магаданских лагерях одновременно появились режиссеры Леонид Варпаховский и Моисей Вахнянский. Ни один вид искусства не может существовать в заключении – кому-то нужен карандаш и бумага, кому-то перо или кисть. И только режиссер может сотворить театр из ничего. Так, был создан музыкально-драматический театр, который даже выезжал на гастроли. В лагеря. Словом, творческие люди в какой-то степени удовлетворяли свои духовные потребности. Шухаев работал в качестве художника-декоратора, оформив более 35 спектаклей.

Прошло десять лет... Василия Шухаева с женой освободили, но запретили жить в больших городах. Куда ехать? В Тюмень? Во Владивосток? И тогда Вахнянский предложил ему поехать в Тбилиси. «Что-нибудь придумаем!», - успокоил он. Так, в 1947 году

дари мне этих двоих пожилых людей. Во второй раз они переселения не выдержат, а он очень хороший художник!» И даже такого человека, как Рухадзе, «прошибло». «Мы ей обязаны жизнью!» - говорили Василий Шухаев и Вера. Между людьми могут быть такие необыкновенные отношения, если они обладают духом.

После смерти мужа Вера осталась одна, но тоже не уехала из Грузии... Таким образом они выразили свое отношение к Грузии.

Эта выставка – событие. Мы напомнили о том, какими могут быть человеческие отношения сегодня и всегда. Просто нужно помнить, что ты человек.

«ЭТО НЕОБЫЧНОЕ РАССТОЯНИЕ ОТ ВЕК ДО БРОВЕЙ...»

Воспоминания художницы Нино Нижарадзе прочитала искусствовед Нино Заалишвили:

- Я училась на третьем курсе Академии, когда впервые в нашу аудиторию вошел пожилой художник, профессор кафедры живописи Василий Иванович Шухаев. Художник – мэтр! Манерами, речевой культурой, стилем одежды. Из рукавов его пиджака элегантно выглядывали манжеты с запонками. Своими худыми пальцами он опирался на палку. Если мы писали с натуры, Шухаев непременно начинал лег-

кий, шуточный флирт с натурщицей. Снисходительных к его «черному юмору» он награждал плиткой шоколада.

В конце семестра, когда студенты и педагоги лучше узнали друг друга, во время занятий Шухаев пристально посмотрел на меня и сказал: «Меня заинтересовало это ваше необычное расстояние от верхних век до бровей. Не согласитесь ли вы позировать для портрета?» Мне показалось, что он слишком уверен в моем согласии... Поэтому после значительной паузы я ответила, что подумаю!.. В конце концов случай дал нам возможность договориться, и Шухаев написал грифелем на бумажке адрес своей мастерской и нарисовал схему... Но на второй день я все равно заблудилась в лабиринте серой, обезличенной архитектуры.

В Академии обиженный профессор спросил меня: «Не любимый ли запрещает вам приходить в мою мастерскую?» И во второй раз начертил, даже нарисовал схему и в конце пиктографическими знаками обозначил мой маршрут.

Ожидавший меня в дверях художник, по примеру старых мастеров, встретил меня вооруженный неперменной художественной атрибутикой – кистью! Он был в холщевой серой робе и неизменном черном берете на седых волосах. С привычной галантностью предложил мне кресло. Попросил чувствовать себя свободно. Сам стал к мольберту, начал вести легкую беседу и при этом смотрел на меня. Я смутилась... Выдающийся портретист, думаю, понимал состояние модели.

Когда я вставала, чтобы отдохнуть, у меня была возможность рассмотреть мастерскую. Взгляд мой невольно обратился к мольберту, но я не хотела показаться Шухаеву любопытной.

На редкость дружеские отношения сложились у нас на первом же сеансе. Я осмелела, много вопро-

Ведет вечер Лела Цицуашвили

сов задавала о литературе и искусстве, более сдержанно – о самом художнике.

Мой портрет Василий Шухаев нарисовал темперой. Время от времени, с присущим ему тактом, он давал мне дидактические рекомендации по технике и технологии живописи. К сожалению, мои тогдашние интересы меньше всего касались проблем технологии живописи. Жаль, что я не использовала уникальный шанс общения с Шухаевым.

Очень часто наш разговор касался русского языка и литературы.

Однажды Шухаев сказал, что его жена – полиглот, знает семь языков и, когда приехали в Грузию, захотела изучать грузинский, но не смогла осилить даже алфавит.

Больше двух месяцев длилась работа над портретом. Каждый сеанс – по два часа. По окончании

В.Шухаев. Эскиз театральной декорации

он иногда предлагал мне с молодым энтузиазмом и привычной галантностью: «Давайте-ка удерем в цирк!» - «Но мне не хочется в цирк, там же зверей мучают!» - неохотно отвечала я. «Ну тогда давайте сходим в кино!» - «В кино я хожу только со своим парнем!»

Он извинялся, смотрел на часы... Расправляя на холсте выцветшую синюю драпировку в знак того, что сеанс закончен. Я выпархивала из клетки подобно птичке. Быстро сбегала по лестнице, и на третьем этаже меня настигал голос художника:

- Не опоздайте на свидание... Привет Вахтангу...

По интонации я чувствовала, обиделся он или нет.

Художник подчеркивал использование кубистических принципов, что имело целью осовременивание реальности. Может быть, мой перевод шухаевских взглядов неточен... Я помню лучшие цвета упомянутого фона. Сине-зеленые, голубые и белые грани кубов... Для изображения особой реальности сугубо реалистического портрета: «С этим необычным расстоянием от век до бровей, как у японок»... словно оправдывался художник...

Для меня было сюрпризом через двадцать пять лет найти черно-белую репродукцию моего портрета в подаренной другом книге.

- Около 90 картин Шухаева находится в Музее искусств Грузии, хранятся его работы в музеях музыки, кино и хореографии, театра имени Котэ Марджанишвили, Доме-музее Елены Ахвледиани, в Национальной картинной галерее и в частных коллекциях. Часть работ, наверное, уже ушла из Грузии, - говорит координатор проекта Лела Цицуашвили. - Автор проекта Нона Элизбарашвили на протяжении многих лет работает над изучением творчества Василия Шухаева, собрала огромный материал о его жизни и творчестве, составила полный каталог его работ. Она один из авторов книги о Василии Шухаеве.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ОН ВЕРИЛ: САДУ ЦВЕСТЬ!

Уголок Батумского ботанического сада

В девяти километрах от Батуми на 114 гектарах раскинулся ботанический сад. Подобно изумруду в золотой оправе, окруженный с трех сторон горами, возвышается он над лазурным морем. Каждый заезжий гость непременно постарается побывать здесь, чтобы полюбоваться величайшим творением природы и рук человеческих, почерпнуть интересные сведения о произрастающих в самых разных уголках земного шара растениях и увезти с собой массу незабываемых впечатлений.

Этим бесценным сокровищем Грузия обязана Андрею Николаевичу Краснову – человеку интереснейшей судьбы, огромного таланта и необычайной воли к осуществлению мечты.

К сожалению, с течением времени слава его как-то померкла. В советское время причиной тому, возможно, была его принадлежность к враждебному классу. С распадом Советского Союза гражданская война и последовавший за ней экономический кризис серьезно подорвал и экономику Грузии. Не в лучшем положении оказались и научные учреждения страны. Стоит лишь упомянуть, что некоторое время на памятнике основателю Батумского ботанического сада отсутствовала надпись. Не лучшим образом способствует возрождению авторитета русского ученого и характер нынешних грузино-российских отношений.

В октябре исполняется 145 лет со дня рождения Андрея Николаевича Краснова, а 3 ноября его детище – Батумский ботанический сад отметит свое 95-летие. Мы посчитали своим долгом напомнить о жизненном пути этого достойного памяти потомков человека.

Из каких только слоев населения не происходили великие русские ученые! В том числе и из казачества.

Для большинства из нас, в особенности для молодого поколения, казачество главным образом ассоциируется со строгим патриархальным бытом и бесконечными военными набегами. Между тем, история подтверждает, что многие казачьи фамилии дали России не только прославивших себя ратными делами или мудрым управлением офицеров и генералов, но и выдающихся деятелей науки и культуры.

Одним из самых известных на Дону родов были Красновы. Как особо отличившиеся в боях они упоминаются со времен Семилетней войны (1756-1763 гг.). Дед Андрея Николаевича – Иван Козьмич Краснов начинал службу писарем в войсковой канцелярии; довольно поздно, в 30 лет стал офицером, но благодаря своим высоким деловым и воинским качествам, а также покровительству самого А.В. Суворова, быстро стал продвигаться по службе. С великим полководцем они подружились когда, будучи ранеными, лежали в одной госпитальной палатке. Иван Краснов стал генералом и атаманом Бугского казачьего войска, но героически погиб в Отечественной войне 1812 года еще до Бородинской битвы. С тех пор Красновы постоянно на виду: командуют частями и соединениями русской армии, служат в казачьей гвардии, трудятся на ниве науки и культуры.

Андрей Николаевич Краснов родился 27 октября 1862 года в Петербурге и был старшим из трех сыновей генерал-лейтенанта Николая Ивановича Краснова, служившего в Главном управлении иррегулярных войск, известного историка казачества. Мать Андрея – Феодосия Ильинична происходила из интеллигентной петербургской семьи.

Жажда познаний окружающего мира проявилась в

Андрее уже с детского возраста. Невероятно популярные в то время романы Жюль Верна, полные опасных приключений и неожиданных открытий, захватывали дух, но не меньшее удовольствие мальчик получал от описаний путешествий Генри Стэнли, Кэна и других. Он мечтал поскорее вырасти и точно также отправиться в какие-нибудь тропические страны. Будущее покажет, что детские мечты умеют сбываться...

Натура фантазера и романтика не мешала учебе в Петербургской гимназии, даже наоборот – Краснов-гимназист обладал удивительной способностью заражать своим увлечением друзей. Для некоторых из них дружба с Андреем Красновым стала определяющей в выборе жизненного пути. К примеру, для Владимира Вернадского, который был годом младше. Впоследствии, уже будучи ученым с мировым именем, он напишет в своих мемуарах: «Станным образом стремление к естествознанию дала мне изуродованная классическая ...гимназия благодаря той внутренней, подпольной, не подозревавшейся жизни, какая в ней шла в тех случаях, когда в ее среду попадали ...талантливые юноши-натуралисты. В таких случаях их влияние на окружающих могло быть очень сильно, так как они открывали перед товарищами новый живой мир, глубоко важный и чудный, перед которым совершенно бледнело сухое и изуродованное преподавание официальной школы. В нашем классе таким юношей-натуралистом был Краснов... Он являлся самым ярким носителем того духа точного наблюдения

Андрей Николаевич Краснов

и любви к природе, который был выброшен официальной программой из преподавания».

Как недалеко ушла в этом плане, а точнее и вовсе не шагнула вперед, современная школа, не правда ли? Но вернемся к нашему повествованию.

Андрей Краснов действительно был большим энтузиастом. Он организовал группу, причем не только из одноклассников, которые при каждом удобном слу-

чае отправлялись за город. Юные натуралисты бродили по окрестностям Петербурга, записывали свои заметки о насекомых и растениях, собирали гербарии, а затем устраивали «научные заседания», делясь собственными наблюдениями, дополненными сведениями из научных материалов. По общему мнению, самыми оригинальными и основательными были доклады Краснова. Кстати, его первые наблюдения станут материалами к небольшой, но интересной брошюре про жизнь насекомых, которая была опубликована уже в студенческие годы.

Столь всепоглощающая любовь к ботанике отнюдь не мешала успехам по остальным дисциплинам. Андрей окончил гимназию с золотой медалью. К этому времени он читал в подлинниках Геродота, Тацита, Цезаря, Ливия, Вергилия, Овидия, Софокла. А во время экскурсий по Карелии настолько изучил финский язык, что перевел в стихах на русский эпос «Калевала». Он мог свободно разговаривать на немецком, французском и английском языках.

После напутственных речей педагогов друзья-гимназисты отправились к Неве. Заплыв на середину реки, они с удовольствием утопили ненавистные учебники и шагнули во взрослую жизнь.

Как вы думаете, какой факультет Петербургского университета выберет юноша, мечтающий познать тайны природы? Конечно же, естественное отделение физико-математического. Более удачного выбора трудно было представить. Его лекторами становятся знаменитый русский климатолог и географ, объездивший на собственные средства большинство тропических стран мира А.И.Воейков, почвовед, естествоиспытатель В.В.Докучаев, геолог и геоморфолог И.В.Мушкетов, химики Д.И.Менделеев и А.М.Бутлеров, физиолог И.М.Сеченов! Но и способности Краснова не остались незамеченными. Шутка ли? Сам «отец русской ботаники» А.Н.Бекетов посвящает ему свои свободные вечера! Именно он привил любознательному студенту эволюционное видение природы.

Глубокие теоретические познания смежных наук не истребили желания к практическим изысканиям, а только подогрели его. Андрей Краснов отправляется в Нижегородскую экспедицию под руководством Докучаева, самостоятельно изучает растительность Алтая. Очень скоро узкие рамки ботаники для студента со столь разносторонними знаниями становятся тесны, и он меняет специализацию на географа. После окончания университета Андрей остается на кафедре для подготовки к профессорскому званию. И снова экспедиции. Летом 1885 года с Мушкетовым исследует прикаспийскую полупустыню, а на следующий год на средства Русского географического общества едет в Центральный Тянь-Шань. Итогом этой экспедиции становится магистерская диссертация, на подготовку которой ушло два года. За это время он успел ознакомиться с системой преподавания в Западной Европе, от которой, кстати, не пришел в восторг, сделать доклад о собственной теории происхождения лесов в Бреславле, выступить в Парижском и Берлинском географических обществах, став действительным членом Берлинского и поучаствовать в международном конгрессе археологов в Лондоне.

Интересно, что защита магистерской диссертации проходила публично и стала настоящим событием, выходящим за пределы университетской жизни. Ра-

бота включала вопросы, связанные с геологией, геоморфологией, климатологией, географией растений и зоологией. Поэтому она привлекла внимание специалистов в этих областях науки. Помимо двух официальных оппонентов на защите присутствовало множество неофициальных. Диссертация А.Краснова отличалась смелыми утверждениями, и каждый желал высказаться на этот счет. Слушая выступления, присутствовавший в зале представитель церкви не без иронии заметил: «Ну, я еще подожду, какие возражения выскажет химик Менделеев, а уж потом и я попробую как священник».

После четырех часов дискуссии Докучаев объявил, что по сути диссертации оппоненты так ничего и не сказали, и подчеркнул, что работа диссертанта поражает оригинальностью, а ряд приведенных фактов – настоящее открытие на фоне того, что было до сих пор известно о природе Тянь-Шаня. Русское географическое общество отметило диссертацию А.Краснова золотой медалью, а на ученом совете университета было выдвинуто предложение присвоить диссертанту не только степень магистра, но и доктора. И хотя консервативная часть членов совета отклонила эту идею, сам по себе этот факт был неслыханным. Ведь Андрею Краснову было всего 26 лет!

В рецензии к его работе Докучаев написал: «По глубине, широте и цельности постановки геоботанических вопросов, по эрудиции, талантности ... у Краснова нет соперников в России. Если к этому добавить чудесный ораторский талант, его необычайное желание самому все видеть и наблюдать..., то можно констатировать, что молодой Краснов станет украшением любой кафедры геоботаники и географии в России».

В 1889 году Андрей Краснов сам создает такую кафедру. При Харьковском университете. И руководит ею более двух десятилетий. Требования к своим учителям, став преподавателем, Краснов старается дать своим студентам то, к чему сам всегда стремился. Он работает над созданием новой географии и научного земледелия, занимается обустройством географической лаборатории, справочного музея и географической библиотеки, составлением фотографических коллекций типичных местностей, гербариев, создает «картинки для волшебного фонаря», т.е. диапозитивы, читает публичные лекции не только для студентов, но и школьников. Но главное другое. Он совершает со своими учениками продолжительные экспедиции, считая, что никакая теория не может заменить практики. Причем добывается льготного про-

езда для студентов и бесплатного для малообеспеченных. Они обследуют Харьковскую и Полтавскую области и много занимаются изучением Кавказа (всего было четыре экспедиции – две по Военно-Грузинской дороге и Сванети, исследование грязевых вулканов Баку и ледниковой области Эльбруса).

Через три года Андрей Краснов по примеру Воейкова отправляется за свой счет в путешествие по тропическим странам. Сбылась мечта! Гимназистом он воспевал тропики в стихах. После университета предлагал поехать в тропики другу Вернадскому: «Право, не откладывая в долгий ящик своих тропиков, поверь, не полна жизнь того человека, который не видел этого чудного мира. Вместе с тобой потом издали бы мы книгу под заглавием «Путешествие двух русских натуралистов по Большим и Малым Зондским островам», где изложили бы наши мысли, наблюдения и впечатления». И вот он едет один. По Юго-Восточной Азии собственным маршрутом: Одесса – Порт-Саид – Коломбо – Сингапур – Япония – Китай – Сахалин – Япония – Батавия (Джакарта) – Сингапур – Коломбо – Суэц – Одесса. Хоть Краснов и был человеком обеспеченным, для такого путешествия денег было недостаточно. Так что пришлось обходиться без ком-

Тропическая растительность

форта. Более того, по дороге на Мадагаскар возникли проблемы: с огромным трудом он достал свободное место в лазарете парохода. Несколько дней в духоте, слушая стоны больных, он развлекал себя разве что чтением книг. На Мадагаскаре же сумел заработать денег на дорогу уроками в школах и популярными лекциями по географии!

Естественно, вернулся он из путешествия не с пустыми руками. Помимо научных работ, из-под пера талантливого географа-натуралиста и писателя-художника в одном лице вышли увлекательные популярные очерки, которыми зачитывались самые широкие слои общества.

Рукотворное чудо

Краснова хватало на все. На науку, на учительство, на общественную работу, на борьбу с безграмотностью, на семью. Все, кто имел счастье общаться с ним, отмечали необыкновенную скромность Андрея Краснова и его безмерную доброту и мягкость. Напряженная работа не могла не отразиться на здоровье ученого. Словно предчувствуя скорую смерть, он не без сожаления оставляет Харьковский университет, где проработал 23 года, и переезжает в Батуми, чтобы осуществить свою давнюю мечту.

В этих краях он впервые побывал еще в 1893 году и сразу же обратил внимание на место, которое оставалось зеленым практически круглый год.

Второй раз Краснов попал в тропики в 1895 году в составе крупной экспедиции, организованной русским правительством для изучения культуры чая в странах Азии. К этому времени он уже доктор наук, совершил кругосветное путешествие продолжительностью около года по маршруту: Одесса – Каир – Бомбей – Дели – чайный округ Катри в Западных Гималаях – Калькутта – Коломбо – Шанхай и Ханькоу – Япония – Гавайские острова – Сан-Франциско – Новый Орлеан – Неаполь – Берлин. Краснов давно загорелся идеей создать в России уникальный сад-заповедник, в котором были бы воссозданы типичные уголки живой природы со всего земного шара. С собой он привез первые экземпляры растений для будущего грандиозного проекта. Краснов даже знает, где должен быть разбит такой сад. Конечно же, в Колхиде, к которой он относил не только Колхидскую низменность, но и весь Батумский край, именуя его южной Колхидой. Он точно знал, как можно превратить заболоченную местность в цветущую субтропическую страну с садами из цитрусовых, чайными плантациями и рощами бамбука. В научном двухтомнике «Чайные округа субтропических областей Азии. Культурно-географические очерки Дальнего Востока» он подробно рассказывает и об этих возможностях. Но для осуществления замысла ученого понадобится еще семь долгих лет.

10 мая 1897 года в 37 лет он обрел спутницу жизни. С учительствовавшей в школе Анастасией Радаковой, внучкой самого Михаила Ломоносова, он познакомился в доме профессора Багалея. Свадьбу сыграли оригинально: в сельской церкви под Харьковом, которую на следующий день должны были из-за древности закрыть. Неподалеку от церкви среди цветущих яблонь устроили праздничный стол, и сразу после него молодые отправились в свадебное путешествие по Европе: через Черное море в Турцию – Константинополь и на Принцесы острова, оттуда по побережью Малой Азии в Египет, затем в Италию, Швейцарию, Норвегию и Петербург.

В публикации «Русские тропики» он очень интересно описывает не только климат и растительность этого края, но и особенности менталитета местных жителей.

Краснову с его знаниями и опытом, как никому другому, было под силу превратить сказку в быль. И он это сделал.

За плечами уже был опыт, хоть и не очень удачный. Еще в Харькове при ветеринарном институте он создал маленький, но образцовый ботанико-географический сад. Отдельные уголки сада напоминали субтропические страны Азии, Атлантическое побережье. Но руководство института не давало средств на реорганизацию и развитие сада. Другим горьким опытом стал Сочи. На небольшую сумму, доставшуюся по наследству после смерти отца, Краснов покупает участок в 10-12 десятин. В то время Сочинский район представлял собой заброшенный край, а участок был сплошь в буграх и оврагах, покрытых лесом, обвитых плющом и лианами до самой вершины; внизу мелкие колючие кустарники, покрытые гигантскими кустами ежевики. Но через два года на этом месте были культурные дорожки, можно было любоваться как бы перенесенными из Японии живописными уголками с типичной экзотической растительностью. Но случилось так, что холодная зима 1903 года многое в саду повредила. Кроме того, в Сочинском районе тогда свирепствовала малярия, и жить там с малолетней дочерью было рискованно. Поэтому в 1904 году Андрей Николаевич пришлось свой сад и дачу продать.

Переехав в Батуми в 1909 году, он с радостью и не без гордости созерцает первые плоды своей деятельности. 12 лет назад в районе Чаки были высажены привезенные им из путешествия «дары Востока». На месте старых непроходимых дебрей первобытного леса высились вечнозеленые дубы крайнего юга Японии, рощи пиний, камфорный лавр, огромные магнолии из Северной Америки, австралийские араукарии,

гигантские туи, гранаты, азалии и олеандры.

В августе 1910 года в местной думе и на заседании Батумского товарищества сельских хозяйственников он рассказывает о том, что можно сделать в батумском климате, и об организации батумского сада. Весной следующего года дума утверждает его проект. Краснов завязывает отношения с крупнейшими садовыми и цветочными фирмами США, Японии, Китая, Австралии, с любителями цветов из разных стран и городов.

3 ноября 1912 года состоялось открытие Батумского ботанического сада. Впервые в России на 65 десятинах были не просто собраны коллекции растений, а воссозданы уголки типичных ландшафтов разных уголков света: Северной Америки, Мексики, Европы или Средиземноморья, Японии и Китая, Гималаев, Австралии, Новой Зеландии и Южной Америки. С прицелом на будущее, что это будет не просто декоративный парк, а научно-исследовательское учреждение с испытательными участками и оранжереями для выведения новых культур. Любимым уголком Краснова стал «Японский дворик». Собственными руками он сажал и выращивал в нем не только чай, но и различные японские растения: деревья (карликовые), спреи, бук, карликовые садовые кипарисы, зазубренный падуб, восковицу красную, стеркулию платанолист-

Печенье к чаю из листьев хризантем. Берут самые сочные листья белой или розовой хризантем и обмывают их водой. Затем, вытерев насухо полотенцем, надо перемешать в битых яйцах с сахаром и провалить в мелкопросеянных сухарях или в муке и обжарить в сливочном масле. Можно жарить и в растительном. Печенье из листьев хризантем очень нежно, вкусно и может долго храниться.

Пирожки с хризантемой к ухе. Опять же берут лепестки белой или розовой хризантемы. Изготовив тесто, как обыкновенно, из муки с яйцами, в него вкладывают листья хризантем, между листьями же кладут лепестки. Сложенные таким образом листья с лепестками служат начинкой к пирожкам».

К сожалению, ученый страдал неизлечимой болезнью. Он пытался было поправить здоровье во Франции, но вскоре вернулся оттуда в связи с началом войны. И снова работает. На износ. Спешит составить путеводитель по ботаническому саду, пишет очередную статью, но... В начале декабря 1914 года, собирая в лесу семена для сада, он серьезно простудился. Тифлиские врачи так и не смогли ему помочь.

19 декабря в возрасте 52 лет ученого не стало.

Он похоронен в Ботаническом саду на выбранном им же месте, про которое писал: «Сделайте от моей могилы просеку, чтобы мне видна была Чаква с окружающими ее снеговыми горами, кусочками моря; я там впервые начал работу; там тоже осталась частичка моего я...»

Андрей Краснов был директором Батумского ботанического сада всего два года, но ни один из последующих периодов его истории не был столь плодотворным. Незадолго до смерти ученый писал, что состояние сада таково, что даже если в будущем за ним никто не будет ухаживать, он не утратит своей красоты, сама природа довершит то, что начато человеком, придав еще большей величественности. И в этом он оказался прав.

P.S. Неизвестно, как сложилась бы судьба Андрея Краснова, проживи он дольше. Вряд ли советская власть учла бы его заслуги, забыв о происхождении и родстве. В 1917-м его младший брат Петр Краснов (ко-

торый, кстати, тоже славился писательским талантом – он автор более 20 романов), был одним из русских генералов, пытавшихся активно противостоять развалу армии и большевистскому перевороту. 25 октября он выступил в Петроград со своим 3-м кавалерийским корпусом на подавление мятежа. Проведя много лет в эмиграции, в мае 1945 года семья Красновых в составе казачьего отдельного корпуса сдалась в плен англичанам, а те под видом проведения некоей «конференции», собрали всех казачьих офицеров и передали их, в нарушение ранее данного слова, в руки НКВД. 17 января 1947 года в Лефортовской тюрьме Петр Краснов и его троюродный племянник Семен Краснов – казак станицы Правоторовской, участник Первой мировой войны – по приговору советского суда были казнены.

МАРИНА КИРИЯ

Памятник А.Н.Краснову

ную, орехоносную торею, магнолию, барбарис, дикий лимон и другие японские субтропические растения. Ведь создать в Россию маленькую Японию было его давнишней мечтой.

И здесь, в Аджарии, Андрей Николаевич не изменил своему образу жизни. Как и прежде, он занимается литературной работой, редактируя местный журнал, совершает поездки, пишет научные статьи и так же устраивает уроки ботаники под открытым небом, только теперь уже для сельских ребятшек. Стремясь вызвать у местного населения интерес к экзотическим растениям, Краснов в одной из опубликованных статей рассказывает о субтропической кулинарии. Он описывает много диковинных блюд, которые пробовал, путешествуя в тропиках. Вот только некоторые из них: «Лимонный лист. Предварительно свернутый в трубочку и затем мелкоискрошенный, он заменяет петрушку.

ПРОДУКТ ДВУХ КУЛЬТУР

Жарким июльским вечером в уютном выставочном зале «Арт галери», что расположена на территории старого Тбилиси в Ватном переулке, была открыта выставка работ художника-дизайнера Наны Герасимовой и демонстрация ее творческого проекта «Картули». Художник-восьмидесятилетняя Нана Герасимова – представительница интеллигентной профессорской семьи, в которой традиция двух единоверных народов – грузинского и русского – в их неповторимом преломлении дали удивительные побеги. Ее отец – ученый физик, доктор наук, в недавнем прошлом государственный деятель, советник президента по межнациональным отношениям Алексей Герасимов. Алексей Борисович закончил физический факультет Тбилисского госуниверситета и аспирантуру при Ленинградском физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе. Он имеет международный патент на открытия, а в 2005 году ему присуждена премия им. И.Векуа. Профессор Алексей Герасимов возглавлял кафедру полупроводников в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили. Его помнят поколения студентов-физиков. Сегодня ученый самоотверженно работает в Тбилисском филиале американской лаборатории полупроводников, расположенной в городе Сиэтле (США). Это совместный грузино-американский научный проект, своего рода продолжение во времени университетского подвижничества Алексея Борисовича. Каждый из семьи Герасимовых – олицетворение таланта, духовной красоты, энергии, толерантности и человеческой гуманности, носитель созидательных начал...

Семья, о которой идет речь, сыграла немаловажную роль в укреплении грузино-российских общественно-культурных, духовных и научных взаимосвязей.

Зрителя выставки покорила изысканность красок и их сочетаний, наличие четкой авторской концепции, яркая индивидуальность стиливого решения в каждой работе:

Н.Герасимова. Ирисы

«Весна», «Иберийские ирисы», «Ужгули», «Старый Тбилиси», «Похищение Европы», «Ню», «Поцелуй», «Портрет женщины», «Улица детства», «Карнавал», «Розовый куст», «Кети», портреты, пейзажи, натюрморты. Разноаспектные художественные композиции Н.Герасимовой – симфония любви к своей родине, ее людям и природе, грузинским мастерам в изобразительном искусстве. Художественный почерк Наны Герасимовой обусловлены теми инновациями, которые она использует как признанный мастер монотипии, хотя она с одинаковым успехом работает и с другим материалом. Успешно ведет педагогическую работу, является профессором департамента дизайна моды Академии художеств. Мы беседуем с художницей о жизни, ее взглядах на современное положение дел в Грузии, нынешнем состоянии грузино-российского культурно-общественного и духовного взаимодействия

- *Калбатано Нана, расскажите о себе как о художнике. Какое образование вы получили?*

- Я окончила Тбилисскую Академию художеств по специальности «промышленная графика», потом начала работать на кафедре моделировании одежды. Освоила разные методики и способы художественного изображения – акварель, масло, офорт, литографию и, наконец, технику монотипии. Последняя была изобретена в Италии в 1568 году и ее потом использовал Поль Гоген. В традиционную технику монотипии я вношу свои коррективы: рисую на цинке или на стекле типографскими красками, а отработанную композицию переношу на офсетную бумагу, нанося несколько слоев разных цветовых уровней. В такой технике мои картины «Ню», «Поцелуй».

- *Где выставлялись ваши картины?*

- В Соединенных Штатах Америки, куда я ездила по приглашению в 90-е годы. Мои работы экспонировались в Америке неоднократно: в 1996, 1998 и 2001 годах в Купфильд-центре. Вообще говоря, в США с большим успехом прошли три мои персональные выставки, одна из которых была в Центре искусств (Рокфорд).

- *Какое событие в вашей жизни представляется вам наибольшим успехом?*

- Думаю, это мой последний проект «Картули», который по-своему представляет грузинскую культуру в мировом масштабе. Грузия

На показе новой коллекции

Из новой коллекции

Н.Герасимова. Старый Тбилиси

- страна с древними традициями и богатым культурным наследием, сохранившая эти ценности в веках. Ускорение темпов жизни и научно-технический прогресс, процессы глобализации в мире охватили многие страны, в том числе Грузию с ее прозападной ориентацией. Творческий проект «Картули» - одно из средств путей решения гуманитарных проблем наших современников. Надеюсь, что он заинтересует иностранцев. Я хотела создать для молодого поколения возраста моих детей одежду двух направлений, украшенную традиционным грузинским орнаментом, и современные модели на каждый день, удобную и демократичную. Своей работой выражаю мою безмерную любовь к Грузии, к месту моего рождения, с его

экстраординарной культурой и традициями; любовь к своим учителям, к своей профессии, семье, людям, я выражаю любовь, доставшуюся мне в наследство от предков. Эпиграфом к моему проекту послужила фраза: «Без любви даже солнце не сияет на небесах...» Любовь как общечеловеческий феномен и главный стимул творческой деятельности...

- *Ваше любимое занятие.*

- Безусловно, эти путешествия, которые особенно для художника служат неиссякаемым источником новых эмоций и впечатлений. Любовь к путешествиям привил мне мой отец, Алексей Герасимов, который в мои детские годы вывозил семью хотя бы на 2-3 дня из Тбилиси. Я объездила всю Грузию, видела богатства и красоты ее природы, ведь у нас гармонически уживаются природные ресурсы нескольких поясов – от альпийской зоны до полупустыни. Я побывала в Лагодехском заповеднике, Вашлованской пустыне, видела красоты и этнографические памятники Рачи (куда отец в свое время сопровождал Посла Российской Федерации в Грузии Феликса Станевского) и Сванети. Только здесь можно осознать уникальность грузинского менталитета, этнические корни многих национальных традиций. Со временем, когда инфраструктура Грузии стабилизируется, путешествия такого рода станут доступными для многих.

- *Удалось ли вам полностью реализовать в творчестве незабываемые ассоциации и впечатления от грузинской природы?*

- В 2000 году в Америке, где я работала над веб-сайтом о Грузии. Совместный интернет-проект о нашей стране делали американские фотографы Рассел Спаркмен и Пет О'Хара, фотограф Джек Дакинкс работал над проектом об Аризоне. Обе интернет-версии Джека Дакинкса и Пета О'Хара получили золотую медаль на конкурсе.

- *Вы заняты только в Академии художеств?*

- Параллельно работаю вместе со своим мужем бизнесменом Давидом Мосидзе в «Джинс-галери», официальными дилерами которой являются однопрофильные фирмы «Ли Купер», «Вранглер», «Ли Вайс». По этой линии мы иногда ездим за рубеж на просмотр коллекций делаем для себя заказы в Европе – Италии, Бельгии, Турции. Надо сказать, что модные марки «Ли Вайс» и «Вранглер» находят сбыт и пользуются популярностью.

- *Какой стиль одежды вы предпочитаете?*

- Я не хожу в какой-то одной одежде. Тем не менее, не могу не сказать, что спортивная одежда все-таки более удобна, демократична, широко доступна. По своей основной профессии я художник-дизайнер верхней одежды. В 1990 году была художником по костюмам и художником-постановщиком детского грузино-американского фильма «Сокол» («Мимино»). Это совместная постановка американской студии «Паллер Фенстр продакшнс» и Грузинского телевидения. На съемках этой ленты я познакомилась с фотографом Петом О'Хара. Фильм «Сокол» снят и получил награду «Эмми», демонстрировался по американскому телевидению и первому каналу грузинского телевидения.

- *Расскажите о ваших литературных предпочтениях.*

Нана Герасимова

ях, любимых писателей.

- В русской литературе обожаю булгаковского «Мастера и Маргариту». В иностранной литературе – роман «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса. Из близких моему сердцу современных авторов назову бразильского писателя, испанца по происхождению Паоло Коэльо. Его книги «Алхимик», «Вероника решила умереть» приятно читать. У них счастливый конец, достойный, ненавязчивый стиль.

- Вы прекрасно владеете грузинским языком.

- Я наполовину грузинка, окончила грузинскую среднюю школу, моя мама Елена Джапаридзе, грузинка, физик по профессии.

- Как вы относитесь к театру?

- Выросла на творчестве Роберта Стуруа, высоко оцениваю постановки театра Михаила Туманишвили.

- Расскажите о вашем пребывании в России и других странах постсоветского пространства.

- Бывала у брата Саши, который живет в Санкт-Петербурге. Он экономист, недавно защитил кандидатскую диссертацию. В советское время и позже, когда после демонтажа Союза в Грузии произошли кардинальные перемены, я часто ездила в Россию с творческими командировками, деловыми заданиями, наконец, как турист. Мне одинаково знакомы и дороги Москвы, Санкт-Петербурга, Донецка, Киева, Таллина, Еревана. Иногда приезжала в Москву специально, чтобы посмотреть выставки: в 1984 году американских дизайнеров, выставку японского дизайнера в 1986 году. В 2003 году в Москве в Грузинском посольстве проходила моя персональная выставка. Бывая в столице России, я всегда посещаю любимый мной Музей изобразительных искусств А.С. Пушкина, с которым меня связывают творческие ассоциации и профессио-

нальные интересы.

- Как вы оцениваете взаимоотношения двух стран Грузии и России сегодня?

- Никогда не вмешиваюсь в политику. Молодое поколение сегодня мыслит иначе, оно более дистанцировано от России, во взаимоотношениях появилась напряженность и недосказанность. Мы живем при дефиците любви среди агрессивных элементов. Сегодняшняя ситуация в стране не такая как 10-15 лет назад. Для гармонизации отношения просто необходимо исключить конфронтацию, сохранять и поддерживать общественно-культурные связи и традиции. По своему происхождению и семейным традициям я продукт двух культур: моя прабабушка Тамара Гавриловна Сакварелидзе поехала в Петербург, где и повстречала Алексея Федоровича Герасимова – профессора-химика из Казанского университета. Тамара Салуквадзе была знакома с тремя представителями рода Герасимовых, один из которых предок известного русского кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова.

- Что вы считаете наибольшим успехом в вашей жизни?

- Моих дочерей от разных браков: четырнадцатилетнюю Анну, ученицу Британской школы, и старшую дочь, студентку Кети, которая учится на втором курсе университета общественных отношений, будущего экономиста. Успехом, по-моему стал и мой проект «Картули», творческую концепцию которого продиктовала любовь, доставшаяся мне в наследство от предков, научивших по-настоящему любить свою страну. Все мое детство прошло в атмосфере любви, семейственности, добра. Я впервые выставилась, почувствовала себя художником в три года в домемузее Е.Ахвлидзани.

- По какому сценарию должны развиваться отношения между людьми и народами?

- Решать все надо по-хорошему, с любовью и взаимосогласованностью сторон. Еще раз повторю: мои дочки растут в иных условиях, чем я, в более суровых и сложных. У нас с Россией общие корни, одни христианские традиции, исторические основания. Важно, чтобы эти добрососедские отношения продолжались, пусть в новых международных условиях. Люблю грузинские застолья, где все говорят друг-другу что-то хорошее, когда тамада – мой отец или Темико Тевзадзе. Помню любвеобильных американцев восхищавшихся моими картинами, в Рокфорде, на благотворительном концерте в Бедленд-парке в 2000 году.

- У вас есть заветная мечта?

- Чтобы все мои близкие были здоровы и счастливы; больше любви и ясности во взаимоотношениях, доброй положительной ауры.

Жизнь подарила Нане Герасимовой возможность часто путешествовать – в силу ее профессиональных и служебных интересов. К моменту нашей беседы она только возвратилась после двухнедельной командировки из Италии и собиралась уезжать с деловой миссией в Бельгию (Брюссель). По собственному признанию художницы, в заграничных поездках она часто посещает музеи, учится у итальянцев дизайну и живописи, испытала культурный шок от выставки Сезанна в Флоренции, картин Боттичелли и Леонардо да Винчи во флорентийской галерее Уффици...

НИНА АНАНИАШВИЛИ

СЛЕД БЕЛОГО КЛЮЧА

Дворянское собрание

Полковник М.А. Левшин

Полковой духовой оркестр

Тетри-Цкаро всего в часе с небольшим езды на «маршрутке» на юг от Тбилиси, встречает гостей резными палисадами. У самого въезда в город, возле местной достопримечательности – знаменитого на всю округу родника, сохранились деревянные дома столетней давности, мало чем отличающиеся от тех, какие строили тогда в средней полосе России. В совокупности они образуют жилой квартал, который по давней привычке на любом языке называют на русский манер – Поселением.

Вообще, русский язык на улицах Тетри-Цкаро звучит, пожалуй, чаще, чем в столице. Не в той, может быть, мере, как раньше, но он реально сохранил за собой функцию языка общения между многими народами, населяющими край. Даже отъявленные скеп-

тики, каковых везде хватает, вынуждены признавать, что никаких противоречий на межнациональной почве здесь никогда не было и нет. Глава районной администрации Георгий Мествиришвили вспоминает, что во время азербайджано-армянского конфликта, бушевавшего, кстати, не очень далеко отсюда, армяне и азербайджанцы в Тетри-Цкаро жили бок о бок, в мире и согласии. Национальная, культурная, религиозная терпимость определяется многими факторами, прежде всего – историческим, исключаяющим саму возможность постановки вопроса о том, кто в этом доме хозяин. Тетри-Цкаро – край переселенцев. Самое что ни на есть местное население – люди, живущие здесь в четвертом, много – в пятом поколениях.

К XVII веку в результате не прекращающихся вра-

жеских набегов и эпидемий эта историческая область Грузии почти полностью опустела. Ее новое освоение началось после подписания Георгиевского трактата в рамках хорошо продуманной и неукоснительно выполнявшейся государственной программы по укреплению южных рубежей Империи. Сюда перебрасывается воинская часть, офицеры которой и заложили на месте грузинского исторического поселения Гариси городок Белый ключ, получившем название по причине высокого содержания в почве белой глины, окрашивавшей грунтовые воды. Нынешнее название города – Тетри-Цкаро, таким образом, не что иное, как прямой перевод на грузинский его прежнего, русского наименования. Отбыв воинскую повинность, солдаты нередко оставались тут жить, обзаводясь семьями.

Беседа

Из разных областей России сюда переводили на постоянное жительство одиноких женщин, а также гражданских лиц мужского пола, в том числе крестьян и мастеровых с семьями.

Прадед преподавательницы начальных классов местной русской школы Нины Клеветовой, рабочий человек, был послан в эти края с женой и детьми из города Козельска за участие в беспорядках на фабрике, и, как и многие, такие же, как он, русские люди, пустил здесь корни. Сегодня Нина Николаевна бережно хранит в своем доме, построенном еще ее дедом, фотографии и документы, отражающие вехи истории ее семьи, а значит, и историю Белого ключа.

В этот интенсивно развивающийся край со всех сторон, как пчелы на мед, потянулись люди. Появились поселения польских и немецких колонистов (потомков последних в годы Второй мировой войны переселили в Казахстан), азербайджанские, армянские, греческие села. Заселение происходило отнюдь не стихийно. Оно регулировалось и управлялось. А переселенцам выдавались из государственной казны солидные подъемные. Белый ключ, где стоял Четырнадцатый грузинский генерала Котляревского гренадерский полк, к концу XIX века представлял собой уютный, красивый, благоустроенный городок, не только со всей необходимой инфраструктурой, но и с множеством милых излишеств. В центральной его части был раскинут роскошный парк, сохранившийся до наших дней. По вечерам там играл отличный полковой духовой оркестр, по аллеям неторопливо про-

гуливались с семьями старшие офицеры и их молодые холостые подчиненные, очаровательные франты минувших лет, горячие головы, красавцы, таланты и поэты, бросавшие томные взгляды на барышень, одетых по последней столичной моде. Работавший в парке магазин сладостей, по общему мнению, мало чем уступал кондитерским на Невском, а в чем-то и превосходил их. Тут же был открыт летний театр, где игрались любительские спектакли, с отличным, между прочим, буфетом.

Своим внешним обликом Белый ключ был во многом обязан творчеству местного архитектора полковника М.А. Левшина. Общественные строения, возведенные по его проектам, до нас почти не дошли. Но по снимкам конца XIX – начала XX веков можно судить о склонности мастера к резным узорчатым фасадам, крылечкам и лесенкам. Возможно, полковник принимал участие в проектировании и частных домов, до

Офицеры полка

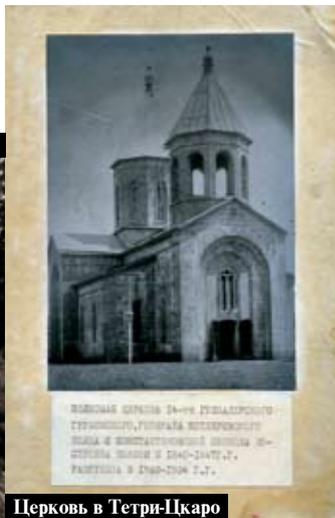
сих пор украшающих Поселение. Неизвестно, имел ли М.А. Левшин отношение к созданию проекта полковой церкви, построенной в Белом ключе в 70-е годы позапрошлого века. Она причудливо сочетает в себе элементы грузинской и русской церковных архитектур, что видно хотя бы по форме куполов. Имея строгую конусообразную форму, они заканчиваются русскими луковками. Церковь была настолько вместительной, что на службе в ней мог одновременно присутствовать едва ли не весь личный состав полка. После установления в Грузии советской власти борцы за новый мир разрушили ее. Тесаный камень, из которого она была возведена, позднее пошел на строительство нескольких общественных учреждений, стоящих в городе до сих пор. Старожилы утверждают, что судьба трех человек, руководивших низвержением храма, сложилась печально. Один из них вскоре после того погиб, попав под колеса поезда, другой спился и тоже умер молодым, а третий сошел с ума и бесславно закончил свои земные дни в стенах психиатрической лечебницы. Так ли это было на самом деле, установить трудно. Как невозможно понять, правда ли, что в разрушенной церкви хранились огромные ценности, исчезнувшие затем неизвестно куда. Молва гласит, что в числе прочих святынь, там покоилась икона кисти

великого богомаза Андрея Рублева.

- В нашей коллекции порядка одиннадцати тысяч экспонатов, - говорит директор Тетри-Цкарройского краеведческого музея Шота Эпхошвили. - В экспозиции представлена лишь малая их часть. Наименее изучены материалы, относящиеся к XIX-XX векам. Сейчас сотрудники музея приступили к их систематизации, и, может быть, результаты этой работы приоткроют завесу

Школа

Церковь в Тетри-Цкаро

над многими тайнами сравнительно недавнего прошлого. Мне, например, самому хотелось бы найти подтверждение легенды о том, что в Белом ключе был дан первый в Грузии оперный спектакль. Как и об имевшем якобы место посещении города государем императором в конце XIX или начале XX веков. И то, и другое события, в принципе, могли произойти, учитывая интенсивность культурной жизни в Белом ключе и то значение, которое имел этот регион с точки зрения безопасности южных границ Российской Империи.

Военные продолжали играть здесь большую роль и в более поздний период. В годы СССР в Тетри-Цкаро стояла воинская часть связистов, передислоцированная лишь в начале 90-х годов прошлого века, которая оказывала серьезное влияние на общую атмосферу в городе и районе. Когда 42 года назад Нина Клеветова, окончив Тбилисский педагогический институт имени Пушкина, пришла работать в Тетри-Цкарройскую русскую среднюю школу, под ее опеку отдали первый «Д» класс. Первых классов было пять. Сейчас здесь от первого до последнего – по одному классу. За последние двадцать лет число учеников Тетри-Цкарройской русской школы уменьшилось почти в 10 раз – от 1550 до 175. Конечно, сейчас и в негрузинских семьях детей все больше стараются отдавать в грузинскую школу. Но в местной грузинской школе – немногим более 300 учеников. Так что, дело не в этом. Тетри-Цкаро не обошли общие для страны миграционные процессы. Доля негрузинского, в том числе и русского населения здесь сокращается. Собственно, сокращается численность и грузинского населения. Но, во-первых, его бал-

Директор музея Ш.Эпхошвили

ланс как-то поддерживают экомигранты из Сванети и Аджарии, а во-вторых, грузинам зачастую и уезжать-то с концами бывает некуда. До перестройки в Тетри-Цкарройском районе жило 32 тысячи человек, сейчас – около 25 тысяч. Население районного центра 20 лет назад составляло 8 тысяч человек, сегодня – меньше 3 тысяч.

Район стремительно стареет. Молодым и энергичным здесь делать нечего. Из большой родни Нины Николаевны Клеветовой осталась в Тетри-Цкаро она одна. Опасается, что в ее возрасте окажется не у дел на новом месте. Здесь же она загружена в школе, да еще и подрабатывает, продавая выращенные на своем огороде огурцы и зелень. По ее словам, основная, если не единственная, причина того, что люди покидают насиженные места – отсутствие в районе работы. Прокладка участка нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан оставила приятные воспоминания. Зарплата местных жителей, занятых на строительстве, доходила до 1000 лари. А работавшие иностранцы снимали дома, платя хозяевам приличные деньги. Сейчас строительные работы завершены, и несколько человек, трудоустроенных на обслуживание базовой станции нефтепровода, погоду не делают. В основном район живет сельским хозяйством. Многие семьи держатся за счет того, что кто-то один находится на заработках за границей и материально поддерживает остальных. Когда-то в районе разрабатывали карьеры по добыче базальтового камня, пользовавшегося спросом на необъятной территории СССР и приносившего немалый доход. Карьеры давно закрыты. Рост цен на энергоносители и сложности с вывозом продукции за пределы Грузии делают их работу нерентабельной.

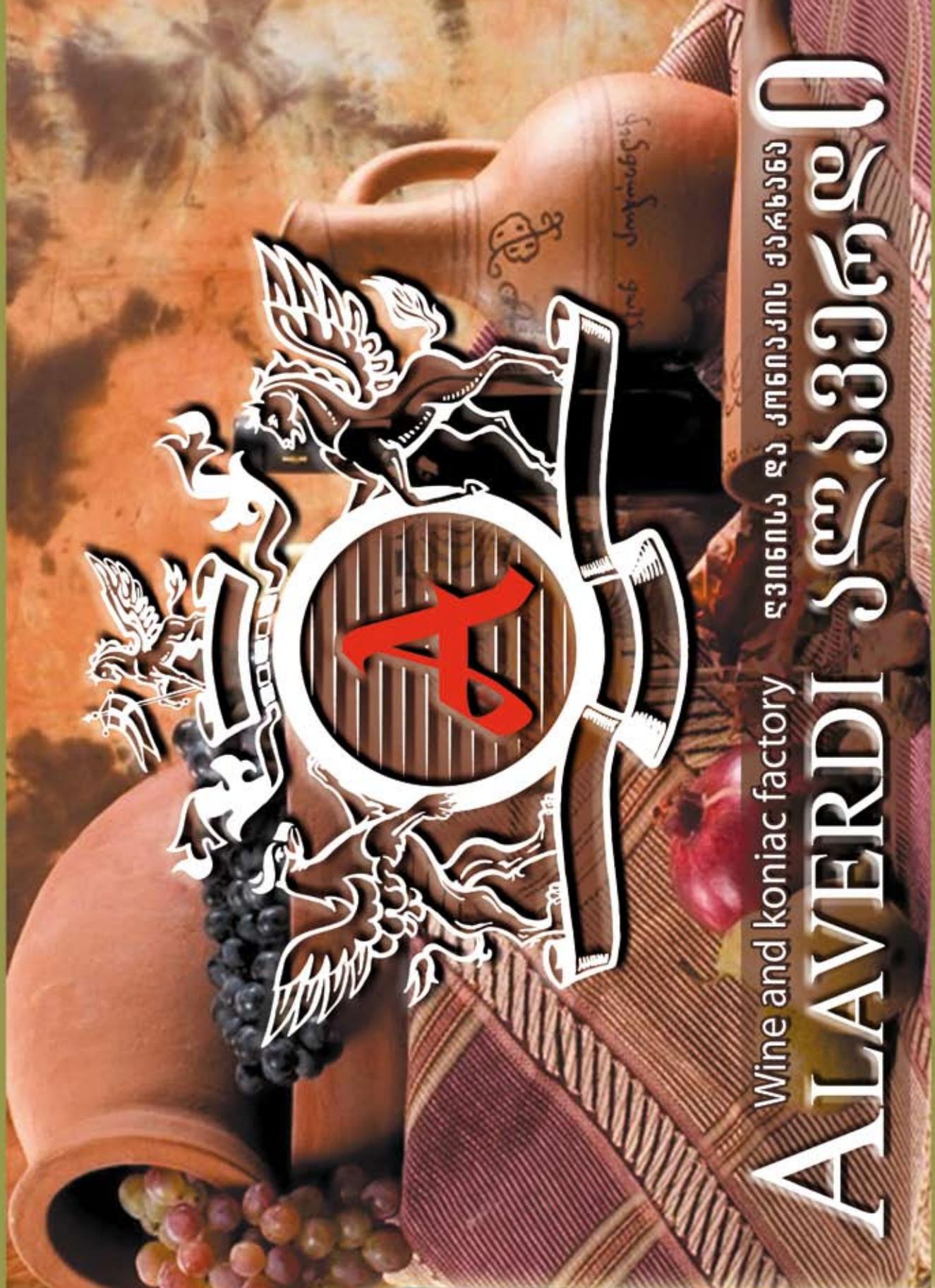
Однако, в последнее время начали намечаться некоторые перспективы. По словам Георгия Мествиришвили, будущее в Тетри-Цкаро связывают с курортным и туристическим бизнесом. Но не только с ним. Нельзя сбрасывать со счетов хозяйственный потенциал края. Сегодня в Тетри-Цкаро и расположенном неподалеку селе Кода работают птицефабрики. Первая ориентирована на производство инкубаторских яиц, товар же под брэндом «Кода» известен всей Грузии. С помощью зарубежных инвесторов недавно открылся завод по производству взрывчатых материалов, который, как утверждают, в скором времени отправит первую продукцию за рубеж, и будет полностью обеспечивать внутренний рынок. Есть определенные планы в связи с возобновлением добычи и обработки базальта. Интересные задумки связаны с интенсификацией сельского хозяйства, развитием пищевой и перерабатывающей промышленности, животноводства. Побывавшие в районе специалисты из-за рубежа, например, предложили помочь наладить здесь искусственное осеменение рогатого скота.

Положение в Тетри-Цкаро должно кардинально измениться с началом строительства железнодорожной ветки Карс-Ахалкалаки и автомобильной магистрали в рамках проекта Миллениум. В район будут привлечены силы и средства, он окажется в центре внимания, что, несомненно, положительно скажется на ситуации в целом.

Возможно, в ожидании перемен некоторые бывшие жители Тетри-Цкаро не спешат продавать здесь свои дома, держа их закрытыми. Кое-кто смотрит на это скептически, но многие верят, что в не таком уж далеком будущем люди начнут сюда возвращаться.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005

Wine and konicac factory
ALAVERDI **საქართველო**

ვინოქარა და კონიაკის ქარხანა

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM ☎ +995 99502850; +995 99961222

БАТУМСКИЙ ФИЛИАЛ

BATUMI BRANCH